Цена 16 коп.

СЛАВА СОЛДАТСКАЯ

ИВАН КОЖЕДУБ

Друзья-однополчане

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ИВАН
КОЖЕДУБ
ТРИЖДЫ ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1975

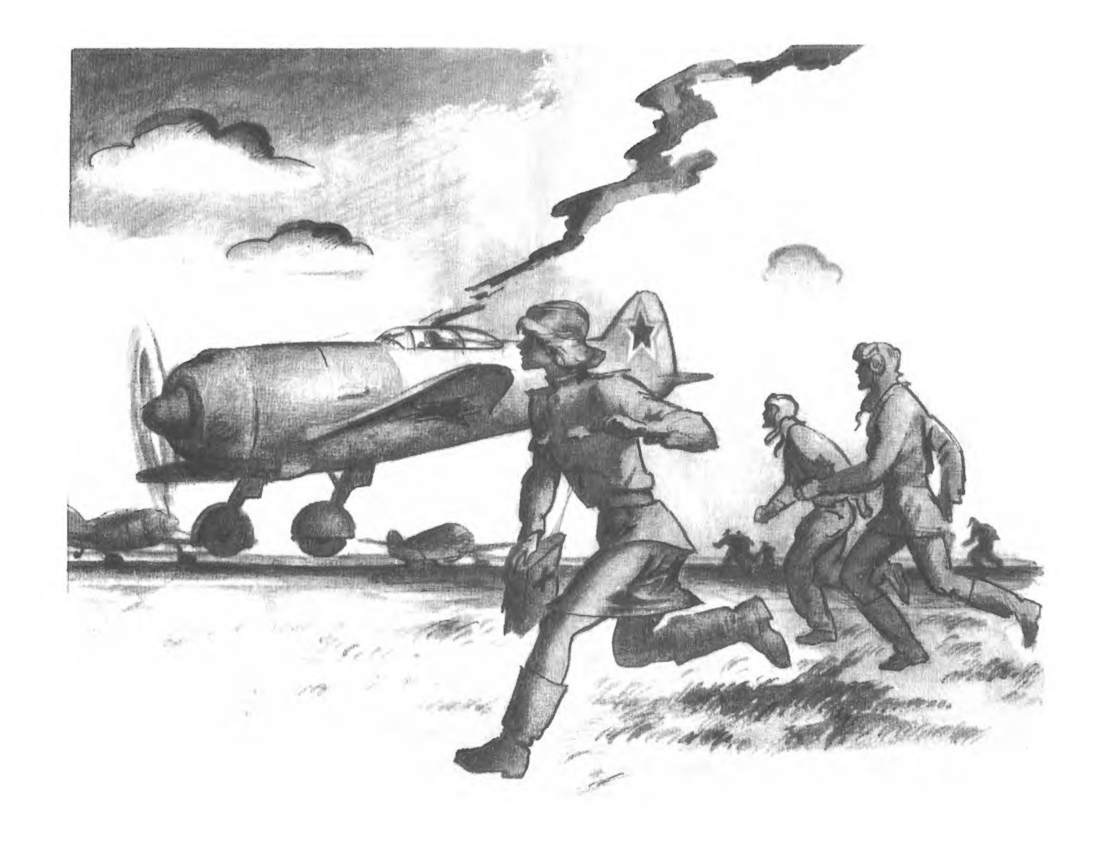
9(с)27
К58

В книгу включены эпизоды из документальной повести «Верность Отчизне». Трижды Герой Советского Союза прославленный летчик И. Н. Кожедуб рассказывает о воздушных сражениях с фашистами, о друзьях-однополчанах, которые самоотверженно боролись за свободу своей Родины. В книге рассказано о том времени, когда Советская Армия воевала уже на территории врага, о победном сорок пятом годе.

Литературная запись
А. ХУДАДОВОЙ

Рисунки
А. СОЛДАТОВА

К $\frac{70803-376}{М101(03)75}$ 250—75

В ПОЛКУ ВОЗДУШНЫХ ОХОТНИКОВ

Как-то летним вечером 1944 года меня вызвал командир полка Герой Советского Союза Ольховский. Я сразу заметил, что он озабочен, даже взволнован.

Вот что он мне сказал:

— Товарищ капитан, пришел приказ о вашем немедленном вылете в Москву. Не знаю точно, в чем дело. Как будто вас из полка переводят... Постарайтесь вернуться, если будет возможность. Помните: в этом полку вы выросли.

Ранним утром иду вместе с летчиками своей эскадрильи на КП. Около него собрались однополчане. Вижу своего фронтового учителя Федора Семенова, вижу Алексея Амелина, Кирилла Евстигнеева...

Я не допускал мысли, что меня могут перевести в другую часть, на другой фронт. За год и четыре месяца я прошел с полком трудный путь от первого своего боевого вылета до сорок пятого сбитого вражеского самолета, вместе со многими товарищами учился бить врага. Как и многие однополчане, в полку, на фронте я стал членом Коммунистической партии. И Амелин, и Евстигнеев, и я — все мы пришли в полк в один и тот же день. А теперь у комэска Евстигнеева на счету сорок восемь сбитых вражеских самолетов. У моего ведомого Василия Мухина, прибывшего к нам в полк год назад, — пятнадцать... И думаю я сейчас об одном: только бы в Москве меня долго не задержали, скорее бы отпустили в часть.

Смотрю на боевых товарищей, и меня охватывает тоскливое чувство, какое испытываешь перед разлукой с родными.

— Друзья, надеюсь к вам вернуться, — говорю я, поблагодарив за все боевую семью. — Если же мне будет дан приказ служить в другом полку, всегда буду о вас помнить. Всегда мне будет казаться, что крылом к крылу с вами бью врага в воздухе.

Попадаю в крепкие дружеские объятия.

— Пора, — говорит командир.

Обвожу взглядом лица, ставшие мне родными, аэродром, наши боевые самолеты.

Все вместе идем к стоянке «По-2». Он готов к полету. Гул мотора заглушает голоса друзей...

Вернуться в родной полк мне не пришлось. Я был назначен заместителем командира в другую авиачасть, на другой фронт. Мои новые однополчане выполняли боевую задачу способом воздушной охоты на истребителе «Ла-7». А в старом полку мы вели воздушные бои на «Ла-5», прикрывая наши наземные войска или сопровождая штурмовики и бомбардировщики. И я получил приказ переучиться — освоить «Ла-7», а затем вылететь в часть.

Я изучал машину на тыловом аэродроме. Она обладала превосходными летными качествами, была послушна моей воле, по тем временам развивала большую скорость.

Я упорно тренировался, совершенствуя технику пилотирования и с нетерпением ждал приказа о вылете на фронт. Наконец приказ получен. Путь мне предстоит далекий — в Польшу, на Первый Белорусский фронт.

Приземляюсь на бетонированный аэродром. Самолеты рассредоточены, замаскированы ветками, но замечаю, что у «Лавочкиных» красные носы и белые хвосты. Это — опознавательные знаки советских

асов (помимо звездочек на бортах по числу сбитых вражеских самолетов).

Вот он — истребительный авиационный Проскуровский Краснознаменный Александра Невского полк!

К моему самолету, как водится, подбежали летчики и техники. Представляемся друг другу. Тепло, радушно встретили меня новые однополчане. Снова я в боевой семье.

Летчики рассказали, что месяц назад наши передовые отряды врасплох захватили противника на этом аэродроме.

Все вместе пошли на КП. Нетерпеливо расспрашивал я спутников об обстановке на фронте, о том, как они, охотники, воюют, о тактике воздушного противника. Хотелось поскорее узнать людей, войти в жизнь полка.

— Сейчас у нас относительное затишье. Идут бои местного значения на плацдармах и в районе Праги — предместье Варшавы. Изредка частью сил вылетаем на усиление, для удержания господства в воздухе на отдельных участках, — говорили летчики.

В это время из замаскированного КП вышли несколько человек.

Впереди полковник со Звездой Героя — это и был командир полка Павел Федорович Чупиков.

Рапортую:

— Товарищ командир, капитан Кожедуб прибыл в ваше распоряжение.

А он поправляет:

— Гвардии капитан. Полк получил звание гвардейского, — и крепко пожимает мне руку. — Давно вас ждем. Теперь воевать вместе будем. Познакомьтесь с моим замполитом, летчиком подполковником Петром Семеновичем Асеевым.

Замполиту нет сорока, но на висках у него седина. Он дружески протягивает мне руку.

Командир представил мне начальника воздушно-стрелковой службы майора Дмитрия Титаренко. Однополчане называли его проще — «начальником огня и дыма».

Служит он в части с первых дней ее формирования и прозван Стариком.

Дмитрий Титаренко — почетный гражданин Ленинграда. Вот за что он был удостоен этого звания.

Однажды, в самом начале войны, когда полк охранял небо Ленинграда, Титаренко, тогда лейтенант, стоял у своего самолета. Вдруг он заметил немецкого разведчика — «Юнкерс-88». Не медля, без разрешения, он вылетел наперехват противника. Догнал его над Ленинградом и после нескольких атак сбил. «Юнкерс» упал в предместье Ленинграда.

Знакомлюсь со штурманом полка майором Шебеко.

Штурманской подготовке здесь уделяется большое внимание: охотник должен отлично знать район боевых действий.

— Вместе будете жить, обо всем друг другу расскажете,— заметил полковник. — А сейчас пойдемте на КП. Познакомим вас с обстановкой. Перед ужином представлю вас летчикам, и вы коротко расскажете им о своем боевом пути. А то бывает так: появляется в полку человек, а знают о нем только те, кто непосредственно его окружает. Надо, чтобы все знали каждого и каждый знал всех.

Я был взволнован и обрадован, когда на КП командир поздравил меня со званием гвардейца и прикрепил к моей гимнастерке гвардейский знак. Звание ко многому обязывало.

Меня приветливо встретил начальник штаба подполковник Яков Петрович Топтыгин — высокий, сутуловатый человек. И он и командир вкратце познакомили меня с обстановкой на нашем участке, с историей полка.

Пользуясь относительным затишьем, полк приводил себя в порядок. Летчики изучали и обобщали боевой опыт. Находился полк на ответственном участке и готовился к боям за освобождение Варшавы и всей польской земли.

Новые товарищи рассказали мне, что плечом к плечу с войсками фронта сражается Первая армия Войска Польского, что в боях отличились польские летчики, проявив мастерство и отвагу.

Перед летчиками стояла боевая задача: вылетать на свободную воздушную охоту в район южнее Варшавы и далеко на запад от Вислы, искать и уничтожать противника на железных и шоссейных дорогах, а также и в воздухе — если попадется.

Я спросил, когда полк приступил к выполнению воздушной охоты.

— С января 1944 года, — ответил командир. — И уже накопил немалый опыт. Коллектив полка воспитал немало бесстрашных летчиков. Во время Белорусской операции они одерживали замечательные победы на свободной воздушной охоте и потери в полку были сравнительно небольшие.

В августе 1943 года командование полком — тогда он именовался 19-й Краснознаменный — принял Герой Советского Союза майор Лев Шестаков. По рассказам людей, знавших его, он обладал большой силой воли, блестяще владел техникой пилотирования, был бесстрашен, умен, культурен.

Это был командир-новатор, командир-боец, прославленный герой Одессы и Сталинграда.

В сложной обстановке первых месяцев войны он всегда находил выход из трудного положения, не терял присутствия духа. И он и летчики авиаистребительного полка, которым он тогда командовал, вылетали на боевое задание прямо с улиц оборонявшейся Одессы.

В марте — апреле этого года мои новые однополчане отличились в боях под Проскуровом, и полк получил наименование Проскуровского.

В те дни в одном из ожесточенных боев погиб Лев Шестаков. Только в мае, когда в овраге стаял снег, нашли тело командира с орденами и Звездой Героя на груди. Похоронили Льва Шестакова в Проскурове, за освобождение которого он отдал жизнь. Он погиб, когда ему было 29 лет.

Полк принял бывалый командир, отважный боевой летчик Павел Чупиков. Под его командованием полк сохранил все свои старые традиции, приумножил счет побед.

С первого взгляда заметно, что здесь, как и в старом полку, живут одной семьей, чтут традиции, гордятся победами товарищей. Командир внушает чувство уважения; человек он волевой, энергичный. Его светло-серые глаза смотрят зорко, проницательно. Он статен, подтянут, на вид ему лет тридцать. Лицо загорелое, обветренное, к вискам от уголков глаз тянутся морщины, как бывает, когда летчик, прищурившись, подолгу смотрит на солнце. Видно, полковник с утра до вечера на аэродроме или в полете.

По всему чувствуется, что командир он требовательный и в то же время заботливый, многое делает для сплоченности боевого коллектива, как делал его предшественник, Лев Шестаков, память которого чтит весь полк.

ДРУЖБА

Заканчивая беседу, полковник Чупиков обратился к начальнику штаба:

— Яков Петрович, вы на КП за меня останетесь, а я покажу товарищу капитану местонахождение эскадрилий. Пойдемте, товарищи офицеры.

Когда мы вышли, командир, который умел давать краткие и меткие характеристики людям, сказал:

— Почти вся история полка прошла на глазах начальника штаба. Он хорошо говорит, владеет пером. Умеет не только поставить задачу и разъяснить ее летному составу кратко и интересно, но и обобщить боевой опыт, который так необходим для учебы.

Замполит Асеев заметил:

— Яков Петрович записывает все события. Записи бережет. Они действительно представляют собой большую ценность. На них должно учиться молодое поколение летчиков и техников.

К нам подходит статный, подтянутый летчик. Это командир третьей эскадрильи Герой Советского Союза майор Баклан. Он докладывает,

что у КП эскадрильи собрались летчики и техники. Все вместе идем к стоянке самолетов.

Вдруг Чупиков кого-то позвал:

— Зорька, Зорька, скорее сюда!

Да это медвежонок! Спешит к нам, переваливается, глазки у него весело блестят. Вот он встал на задние лапы, передними еле доставая до плеч командира.

Чупиков гладит забавного косматого медвежонка по широкому лбу:

— Наш баловень просит угощения.

Титаренко протягивает мне кусок сахара:

— Угостите Зорьку, товарищ капитан.

Медвежонок живо слизнул сахар с моей ладони и затрусил рядом с нами.

— В полк он попал двухмесячным малышом, — рассказывает командир. — Вот какая у него история. Крестьяне из Ужгородского района,

освобожденного от фашистов, подарили медвежонка маршалу Новикову. А маршал — нам. Старший лейтенант Дмитрий Нечаев выкормил медвежонка — поил молоком из бутылки. Зорька у нас проказница. Каждый день жди какой-нибудь выходки. Недавно в бочку с хлебным квасом залезла, перепугала официантку и сама испугалась. А летчики хохотали до упаду. Да у них еще зверушки есть. Где-то подобрали раненого зайчонка, ворону с подбитым крылом вылечили, завели собачку Кнопку... А вот и Зорькин укротитель! Знакомьтесь.

Крепко жму руку молодому широкоплечему летчику Дмитрию Нечаеву. Он говорит:

— Зорька перелетает с аэродрома на аэродром на «ЛИ-2». «Налет» у нее большой. Прекрасно знает распорядок дня, ходит с нами в столовую. Смотрите, сейчас будет представление.

Черная юркая собачонка — это и есть Кнопка, — задорно тявкая, пробегает перед носом Зорьки. Но медвежонок успевает ее схватить.

Кнопка жалобно завизжала.

— Придушит ее Зорька! — всполошился я.

— Что вы! Визжит Кнопка с перепугу: на помощь зовет. Вот увидите — потом снова в бой полезет.

И в самом деле, медвежонок держит Кнопку осторожно, не причиняя никакого вреда.

Дмитрий Титаренко вызволяет Кнопку. Она дрожит, лижет ему руки. А очутившись на земле, вдруг с тявканьем лихо кидается на медвежонка. Он ворчит для острастки, шлепает ее лапой, и она отлетает в сторону под дружный смех летчиков. А Зорька как ни в чем не бывало бежит вперевалку рядом с нами.

— Смеешься над выходками Зорьки — и словно отдыхаешь, — говорят мои новые товарищи. — Ведь иногда так нужно отвлечься, особенно после напряженных боев.

После знакомства с эскадрильями я вернулся на КП. Меня обстоятельно вводили в курс моих обязанностей.

Предстояло изучить по карте район будущих боев, тактику действий полка, повадки воздушного противника. А пока внимательно вглядываюсь в карту: Яков Петрович подробно знакомит меня с обстановкой на левом крыле фронта, ближе к которому находится наш аэродром.

Когда мы закончили, подошел командир, и мы заговорили о слетанности.

— Вам известно, товарищ капитан, — сказал полковник, — пара — единое целое. А в нашем полку этому единству придается особое значение — ведь на охоту мы вылетаем парами. У нас за каждым лет-

чиком закреплен самолет, и у каждого летчика — постоянный напарник. За время подготовки прекрасно слетались летчики, прибывшие к нам сравнительно недавно. — И командир добавляет: — Вам, очевидно, чаще всего летать в паре с Титаренко — он будет вашим ведомым, раз вы прилетели без напарника. Хоть у вас большой опыт, но слетаться надо.

При этих словах полковника мне вспомнился мой фронтовой учитель Герой Советского Союза Федор Семенов, который сделал все, чтобы наша эскадрилья за короткий срок добилась слетанности, слаженности действий. Вспомнил я и о своем верном ведомом Василии Мухине. По просьбе командира и замполита я рассказал о двух воздушных боях: вспоминая их, я и сейчас словно наяву вижу и Семенова, и Мухина.

...Дело было на Курской дуге. Шел второй день битвы с врагом. Чуть свет мы уже в кабинах самолетов. Не отрываясь, смотрю в сторону КП. Вот взвились три зеленые ракеты — это сигнал на вылет нашей третьей эскадрильи.

Мы в воздухе. Принимаем боевой порядок. Нас ведет Семенов.

Гул стоит в наушниках шлемофона. Иногда раздаются чьи-то отрывистые команды:

— Атакую! Прикрой!

— Внимание, слева «мессер»!

С земли доносится:

— Соколы, атакуйте! Бейте их, бейте!

Набираем высоту. Издали видна линия фронта, пожары. Горят деревни и села. Горит вражеская и наша техника.

Навсегда запомнил я места, над которыми летчики нашего полка вели первый воздушный бой в оборонительном сражении за Курский выступ, прикрывая героические наземные войска в районе Покровки.

Мы у линии фронта. Под нами — море огня. Дым поднимается на большую высоту: в кабине чувствуется запах гари.

Нас обстреливает зенитная артиллерия. То тут, то там появились вспышки. Враг старается расстроить наш боевой порядок — так его истребителям легче будет нас атаковать.

Справа впереди идет ожесточенный воздушный бой.

С земли раздается знакомый спокойный голос командира корпуса генерала Подгорного:

— Приближается большая группа пикирующих бомбардировщиков. Увеличить скорость. Встретить врага до линии фронта!

И на подхвате голос Семенова:

— Впереди нас более двадцати пикирующих бомбардировщиков. Атакуем!

И действительно, ниже нас, стороной, к линии фронта направляются «Юнкерсы-87» под прикрытием истребителей.

Теперь главное — перехватить их до линии фронта.

Снова раздается голос комэска:

— Орлы, за Родину! В атаку!

Командир — впереди. Мы — за ним. Увеличиваем скорость, ринулись на группу. Наперерез нам «мессершмитты». Но им уже не остановить наш порыв. Вот они пытаются атаковать командира. Бросаю самолет в сторону вражеских истребителей. Заградительная очередь, и враг отворачивает от самолета Семенова. Комэск сближается с бомбардировщиком. Фашистские стрелки открывают яростный огонь.

К нам потянулись трассы. И мне кажется, что больше всего трасс тянется к машине комэска и к моей.

Семенов резко переводит самолет вниз. Сердце у меня замирает: сбит!

Но вот комэск стремительно идет вверх и снизу атакует «юнкерс». Бьет его в упор, с короткой дистанции. Немецкий самолет падает.

Бомбардировщики заметались. «Мессершмитты» усилили атаки. Отбиваю их — меня надежно прикрывает мой ведомый.

Наша главная задача — уничтожать бомбардировщики. Пытаюсь атаковать «юнкерс», зайти к нему в хвост. Он маневрирует. Уходит из прицела. Даже не успеваю открыть огонь: то ведомого, то меня атакуют «мессеры». Нам, истребителям, все время приходится вступать с ними в бой, помогать друг другу и словом и огнем. Только успевай поворачиваться: исход боя решают секунды.

В глазах мелькают силуэты наших и вражеских самолетов. «Юнкерсы» не уходят. Они встали в оборонительный круг — защищают друг друга. Зайти к ним в хвост стало еще труднее.

Проходит несколько минут — для воздушного боя срок немалый. Нам необходимо сбить еще несколько самолетов. Только тогда враг дрогнет.

Стараюсь действовать точно и стремительно — как командир. Его самого я потерял из виду. Зато слышу голос:

— Бей их, бей!

Под огнем противника снова веду самолет в атаку. Захожу «юнкерсу» в хвост. Сближаюсь. Ловлю в прицел.

По-моему, дистанция подходящая. Нажимаю на гашетки. Пушки заработали. А «юнкерс» не падает. Снова стреляю. Немецкий бомбардировщик начал маневрировать.

Забываю обо всем, что творится вокруг. Вижу лишь «юнкерс» и продолжаю стрелять. Решил так: «Не собью — буду таранить».

— Бей, батя, прикрываю! — раздается уверенный голос моего побратима Василия Мухина.

Почти вплотную сближаюсь с противником. «Юнкерс» по-прежнему маневрирует. Нет, теперь не уйдешь! Еще длинная очередь. Самолет вспыхнул и упал в районе западнее Завидовки.

Взмываю в сторону вверх по примеру командира. Не утерпел и по радио крикнул:

— Вася, одного кокнул!

Да где же Мухин? Посмотрел влево и даже вздрогнул: от меня отвалил «Мессершмитт-109». За ним и погнался Мухин. Мне только что угрожала смертельная опасность: ведь я и не заметил, как в хвост моей машины зашел «мессершмитт»! Зато Мухин был начеку и отбил атаку.

Мой верный ведомый уже тут, занимает свое место.

Бой продолжается. На моих глазах упал еще один «юнкерс», за ним — «мессершмитт»: их сбили летчики нашей эскадрильи.

Строй вражеских бомбардировщиков рассыпался. Немцы в беспорядке сбросили бомбы на голову своих же войск и покинули поле боя.

Раздалась команда Семенова:

— Сбор, сбор!

А я в этот миг увидел свежую группу: около трех десятков вражеских бомбардировщиков. Они летели нагло, без прикрытия истребителей. Вероятно, враг думал, что господство в воздухе завоевано.

Передаю Семенову:

— Товарищ командир, приближается свежая группа.

Но в шуме боя по-прежнему слышится: «Сбор, сбор!» Решаю так: пока группа будет собираться, успею атаковать противника.

Даю команду Мухину:

— Атакуем!

Быстро сближаюсь с «юнкерсами». Они начали перестроение. Стрелки открыли огонь.

Передаю:

— Вася, прикрой! Атакую!

По примеру комэска быстро сзади снизу пристраиваюсь к вражескому самолету. Как говорят летчики, сажусь ему на «хвост».

Враг в прицеле. Отчетливо вижу черные кресты. Сейчас в упор расстреляю самолет. Нажимаю на гашетки. Но пушки молчат. Быстро произвожу перезарядку. Снова нажимаю на гашетки. Молчат пушки. Ясно: все боеприпасы я уже израсходовал. И даже не заметил как.

Передо мной хвост вражеского самолета: чтобы отрубить его, снаряды не нужны. Но самолет вдруг резко поворачивает в сторону, в глубь своего строя, и чуть не сталкивается с другим «юнкерсом».

Горючее на исходе. Осматриваюсь: наших не видно — улетели.

Передаю Мухину:

— Вася, атакуй! У меня пушки не работают.

А он в ответ:

— Горючего мало. Смотри, домой не дойдем.

И верно, стрелка бензомера приближается к красной черте. А это означает: немедленно на посадку. Но «юнкерсы» еще здесь. Надо сорвать налет.

— Еще минуту, еще минуту... — передаю Мухину.

Не одну, а еще несколько минут гоняемся за «юнкерсами». Появляемся то здесь, то там. Немцы, вероятно, решили, что нас много. И случилось то, чего мы с Васей так добивались. Противник дрогнул — и повернул на запад.

Горючего у нас с Мухиным хватило лишь на то, чтобы зарулить на стоянку. Быстро вылезаю из кабины. Бегу к Мухину, обнимаю.

— Спас ты меня, дружище, спасибо!

Нас окружили друзья.

— Да куда вы запропастились?

А я даже усталости не чувствовал. Только в горле пересохло — пить хотелось нестерпимо.

Мухин уже рассказывает, как я зажег самолет, как он отбил атаку, как мы вдвоем гонялись за «юнкерсами». А я подтянулся и внешне спокойный — под стать бывалым летчикам — отправился к командиру эскадрильи. Увидев его, даже растерялся: Семенов смотрел на меня исподлобья, нахмурив брови.

Начинаю докладывать:

— Товарищ командир, младший лейтенант Кожедуб...

Но комэск обрывает меня:

— Как ты мог от группы оторваться?! Почему не выполнил мое требование?

Пытаюсь объяснить, но он снова перебил:

— Молчать! Слушать, когда старшие говорят! — Он строго посмотрел на меня. Но сказал мягко: — Ну, докладывай.

— Я... я сбил «Юнкерс-87», — говорю заикаясь.

— Видел. Ну, а дальше-то что? Куда ты делся?

Коротко доложил обо всем. И тут Семенов снова вскипел:

— Вот как, за сбитым гоняешься? В таких сложных условиях надо быть сдержанным, а то вмиг собьют. Дерзости у тебя много — это хорошо, но в бою нельзя отрываться от группы и действовать очертя голову.

Стою навытяжку, растерянно глядя на командира. А он, помолчав, вдруг дружески улыбнулся и протянул мне руку:

— Ну, поздравляю с первым сбитым! Так и бей их! Да смотри не зазнавайся и помни мои слова: при всех случаях надо держаться группы и сохранять самообладание.

В этот день напряженных воздушных боев на Курской дуге счет полка увеличился. Особенно отличились Амелин, Евстигнеев, Семенов. Многие летчики одержали первые победы.

В тот день я на опыте убедился, что мешкать в бою нельзя. Нужно экономно расходовать боеприпасы, а для этого действовать молниеносно, с расчетом, предпринимать дерзкие, смелые атаки и вести только прицельный огонь, сочетая короткие и длинные очереди.

Убедился я в том, как важен пример командира. Семенов не только воодушевлял нас в трудном бою — он показал, как надо уничтожать врага...

За ужином, после разбора, каждому хотелось поделиться впечат-

лениями о сегодняшних боях. Голоса, смех, стук ложек и ножей — все слилось в сплошной гул.

После отбоя долго не можем заснуть. У всех перед глазами воздушные схватки.

Второй памятный мне случай произошел во время ожесточенных воздушных боев над Днепром. В тот день вместе с группой я уже сделал несколько вылетов. Мы провели два трудных воздушных боя. У летчиков Брызгалова, Мухина увеличился счет сбитых, я сбил два вражеских самолета. Надо признаться, устали основательно — казалось, предельно. Только собрались отдохнуть, как меня вызвали на КП. Командир полка встретил такими словами:

— Знаю, знаю — устали. Но сейчас, как никогда, нужна наша помощь сухопутным войскам. А они не отдыхают.

И я получаю приказ снова подняться в воздух со своей эскадрильей. Как всегда в таких случаях, усталость как рукой сняло. Отвечаю коротко:

— Есть!

Командир подошел к карте и указал на населенные пункты Борисовка — Домоткань, в районе плацдарма:

— Здесь скопление наших войск. Помните: сюда не должна упасть ни одна бомба.

И вот эскадрилья в воздухе. Раздается команда со станции наведения:

— С юго-запада к линии фронта приближается большая группа самолетов противника!

Вдали показались пикирующие бомбардировщики. Истребителей нет. Очевидно, выдохлись за день. Атакуем врага. Бомбардировщики спешат освободиться от бомб, уходят, прижимаясь к земле.

Однако ведущий пытается прорваться к нашим войскам. Преследую его. Вдруг с вражеского самолета в беспорядке посыпались бомбы. Он разворачивается и пытается уйти.

Главная задача выполнена: враг не допущен. Я уже хотел дать сигнал «Сбор!», но раздалась команда с земли:

— Преследуйте, бейте врага!

И мы погнались за бомбардировщиками. Они стали удирать в разные стороны. Рассыпалась и наша группа. Только ведомый от меня не отстает.

Расстояние между мной и противником быстро сокращается. Он буквально прижимается к земле, маскируясь на фоне местности. Но я не выпускаю его из виду.

Настигаю врага. Стрелок открыл бешеный огонь. Но пулеметные трассы проносятся мимо моего самолета.

«Руки у тебя дрожат, фашист проклятый! — подумал я. — Меня не испугаешь. А я тебя живым не отпущу».

И начинаю атаковать его сзади сверху — он так прижался к земле, что снизу не подойдешь. Иду на стрелка. Длинная очередь — и бомбардировщик вспыхивает.

Взмываю над пылающим бомбардировщиком. Раздается невнятный звук — любой удар о самолет слышишь, несмотря на гул мотора. Слышу испуганный голос Васи Мухина:

— Батя, горишь!

Быстро осматриваю левую плоскость. Тут все в порядке. Посмотрел вправо. Из бензобака выбивается огненная струя. Холодок пробежал по спине: да я и в самом деле горю! Ясно — вспыхнул бензин, вытекающий из небольшой пробоины. Я допустил оплошность, сделав маневр над горящим бомбардировщиком: стрелок был жив. Нужно было сразу отвернуть в сторону, а я подставил живот самолета под огонь.

Пока не поздно, надо прыгать с парашютом. Быстро открываю фонарь. Отстегиваю привязные ремни. И вдруг вспоминаю: внизу враг! Нет, живым не дамся, последую примеру Гастелло! Начинаю искать цель.

Глядя смерти в глаза, не прекращаю борьбы за жизнь. Перевожу самолет в скольжение на левое крыло: пытаюсь сбить пламя, чтобы оно не перекинулось на весь самолет. Увеличиваю скорость. Ищу объект на земле. И с надеждой посматриваю на крыло.

Мой побратим молча летит в стороне.

Впереди село. В овраге множество замаскированных машин. Из домов высыпали гитлеровцы, смотрят на меня, задрав головы. Направляю самолет прямо на них. Стремительно нарастает земля. Еще осталась надежда, что можно сорвать пламя, если резко задеру нос самолета. Выхватываю самолет прямо над головами оторопевших немцев. И слышу радостный голос ведомого:

— Батя, пламя сорвано! Живем!

Солдаты разбегаются в разные стороны. Проношусь над ними, чуть не задевая винтом.

Жив! Мышцы у меня расслабились. Да, жизнь сильнее смерти! Но успокаиваться рано: гитлеровцы спохватились и открыли огонь. Невдалеке проносятся огненные трассы. Прижимаюсь к земле: трассы проносятся выше. И вот я уже для них недосягаем. Теперь только бы до своих дотянуть.

Мы летим к Днепру, и мысль, что Василий рядом, подбадривает: не оставил в беде верный боевой друг.

С опаской посматриваю вправо — на пробоину в дымящейся плоскости. Вот-вот произойдет взрыв.

Нелегко разобрать, где линия фронта. Но вот показался Днепр. Мы уже над своими. Я хотел было покинуть самолет с парашютом, но не смог — так стало жаль машину. Не раз она выручала меня в бою — как же я ее брошу?! И я принял решение — самолет не покидать.

Показался аэродром. Но радоваться рано: плоскость дымится. Самолет может взорваться и на посадке. С ходу захожу на посадку, не теряя ни секунды. Машина плавно касается земли. Усиленно торможу. В конце пробега сворачиваю влево, чтобы освободить взлетно-посадочную полосу для ведомого: ведь у него тоже на исходе горючее. И, не дождавшись полной остановки, открываю фонарь и на ходу выскакиваю.

Впервые бегу от самолета. Навстречу спешат товарищи, лица у них встревоженные.

— Что случилось? Очень о вас беспокоились!

Я кричу:

— Пожарную машину! Быстрее! Да все ли вы тут?

— Все тут, невредимы!

Механик Виктор Иванов — хозяин самолета на земле — бросился к машине. Она уже остановилась.

— Да подожди, Витя! Как бы не взорвалась!

Но он не слушает. Вот он уже около самолета, зовет нас.

— Быстрее сюда, посмотрите! Хорошо продумана на «Лавочкиных» противопожарная система, иначе бы самолет сгорел в воздухе. Ничего опасного нет — сами потушим.

Все побежали к самолету. А я вдруг почувствовал такую усталость, что ноги у меня подкосились. Делаю над собой усилие — бегу вслед за товарищами. Все вместе откатываем самолет на стоянку. А теперь — на КП, доложить о воздушном бое. Летчики провожают меня, засыпают вопросами.

Когда я начал докладывать командиру, что задание выполнено, он вдруг предложил мне сесть:

— Вижу, какой был бой. Сидя легче будет.

Подробно докладываю о случившемся.

— Решение вы приняли правильное, — сказал командир, внимательно выслушав меня. — Коммунист никогда не должен терять уверенность в победе. От гибели вас спасло самообладание. Но над освобожденной территорией самолет надо было покинуть. Ведь он мог взорваться в воздухе. Тут-то не следовало рисковать жизнью.

Я же из этого боя сделал для себя вывод: даже глядя смерти в глаза, нужно с ней бороться и побеждать.

К вечеру Титаренко, Шебеко и я поехали километров за пять от аэродрома в поселок, где расквартированы летчики. Внимательно приглядываюсь к Титаренко. Видно по всему, у него веселый, спокойный характер, он хороший товарищ.

И вот мы в комнате, где будем жить втроем. Нас навещает полковой врач Шалва Капанадзе, спрашивает меня:

— Как долетели, как самочувствие?

— Спасибо, здоров!

Капанадзе, по-хозяйски оглядев комнату, уходит. Титаренко говорит, улыбаясь:

— Доктор у нас заботливый. Не успеешь на новое место прилететь — тщательно осматривает жилье, столовую, кухню. Сам все белье проверит, по нескольку раз в день заставляет дневальных убирать. А в карманах всегда носит витамины и всякие целебные порошки. — Он смотрит на часы. — В столовой нужно быть ровно в двадцать один час. Ужинаем мы здесь, а завтракаем и обедаем на аэродроме. К ужину должны явиться в срок, без опоздания. Проходит он организованно. Днем по эскадрильям проводят разборы, а перед ужином, когда все офицеры в сборе, командир сообщает итоги боевого дня. Порицание или поощрение в присутствии всех офицеров части — отличное средство воспитания. Среди сержантского и рядового состава разборы летного дня проводит заместитель по политчасти. Так было заведено полковником Шестаковым и вошло в традицию полка.

Приводим себя в порядок и идем в столовую.

Впереди трусит Зорька, словно действительно знает распорядок дня. К моему удивлению, она встает на задние лапы и сама открывает дверь.

Титаренко подвел меня к столу:

— Будем сидеть рядом, вот здесь. А тут — командир, Топтыгин и Асеев.

На столах, покрытых чистыми белыми скатертями, уже стоят приборы.

Командира еще нет. Все летчики в сборе, негромко переговари-

ваются, то и дело подзывая медвежонка — он проворно снует между столиками.

По команде все встают. Входит командир части, Асеев и Топтыгин.

Полковник, быстро оглядев столы и попросив офицеров сесть, говорит:

— Я уже представлял вам моего заместителя гвардии капитана Кожедуба. А теперь пусть товарищ капитан, по нашей традиции, коротко расскажет о том, где и как воевал.

Говорю о том, что полк, в котором служил, в основном выполнял задачу по прикрытию войск и сопровождению бомбардировщиков. Уничтожение врага способом свободной воздушной охоты для меня задача новая и сложная, но я выразил уверенность, что с помощью своих однополчан овладею этим искусством. Поделился я и тем, как тяжело было расставаться с боевой семьей — одна мысль и поддерживала, что цель у нас всех общая.

— Пожалуйста, садитесь, товарищ капитан, — говорит Чупиков и добавляет: — Вижу — волновались. (Летчики слушали внимательно.) Ведь нужно знать, с кем в бой летишь. Теперь, товарищи офицеры, — продолжал он громко, — приступим к краткому разбору летного дня.

Вылетов на свободную воздушную охоту было мало. Командир сжато их разбирает. Закончив, говорит:

— Предлагаю тост за летчиков, которые сегодня успешно выполнили задачу, и за прибывшего к нам боевого товарища!

За ужином медвежонок, ненадолго присмиревший, снова стал перебегать от столика к столику, постукивая когтями о пол. В столовой становится шумно: летчики смеются над проделками Зорьки.

— Теперь, товарищи офицеры, можно покурить, немного повеселиться, — сказал командир.

— До вашего разрешения никто не курил, — заметил я.

— Уж такой порядок в полку ввел полковник Шестаков. Даже после напряженного боевого дня все летчики собираются в столовой и ждут командира. Летчики не курят, не выходят из столовой без его разрешения. Ведь благодаря этому выдержка тоже вырабатывается. Такого порядка я твердо придерживаюсь. А после ужина у нас бывает концерт самодеятельности. Прошу вас, товарищ Фомин, запевайте!

Заиграл баян. Фомин — адъютант третьей эскадрильи — запел сильным и приятным голосом. Летчики подхватили. Пели они песни собственного сочинения про бои над Ленинградом, про свою боевую жизнь.

Последние слова песни отзвучали, и командир неожиданно обратился ко мне:

— Товарищ Кожедуб, просим спеть нам что-нибудь.

— Спойте, спойте, товарищ капитан! — подхватили летчики.

Я стал отнекиваться:

— Да я не пою, голоса нет...

— А у нас те, кто петь не умеют, пользуются особенным успехом!

— Лучше я гопак спляшу.

В стремительном темпе иду вприсядку. Кто-то крепко толкает меня в бок, и раздается оглушительный хохот. Со всех сторон кричат:

— Зорька! Зорька!

Оказывается, ко мне неслышно подкатился медвежонок. Увертываясь от него, вприсядку обхожу комнату. Медвежонок — за мной. Вскочив, я повалил его на обе лопатки. Летчики кричали «бис», хлопали, смеялись.

А я совсем освоился, почувствовал себя в кругу родных людей. Но вот командир, посмотрев на часы, объявил:

— Пора на отдых. Спокойной ночи!

Когда Титаренко, Шебеко и я пришли к себе, из комнаты, где жили летчики третьей эскадрильи, раздался громкий смех. Мы заглянули в дверь и увидели уморительную картину. Медвежонок положил голову на подушку и мирно спал на постели своего укротителя — Мити Нечаева.

Услышав смех, прибежали летчики из других комнат. Стали будить медвежонка. Он ворчит, лапами отмахивается — и ни с места. Осторожно стащили его и положили под койку. Зорька поскулила немного, видит — делать нечего, и снова заснула.

В тот вечер в нашей комнате долго не спали. Товарищи рассказывали мне о боевых делах полка.

А рано утром нас разбудил медвежонок: пришел в гости.

— А, Зорька явилась! Значит, подъем! — воскликнул Титаренко, вскакивая с койки.

Мы стали делать зарядку, умываться, а медвежонок, не дожидаясь нас, первым помчался к машине, которая обычно отвозила летчиков на аэродром.

На КП меня радушно встретил подполковник Асеев; он был заместителем командира по политчасти еще при Шестакове. У нас завязался дружеский разговор.

О замполите я уже немного знал из рассказов Титаренко. На «Лавочкине» он летает недавно, и летать на новой технике его переучивал во фронтовой обстановке Павел Федорович Чупиков.

Готовясь к боевому вылету, Асеев прислушивается к замечаниям опытных летчиков, пусть и младших по званию, на задании показывает пример исполнительности и дисциплины.

...Боевых вылетов в те дни почти не было. Зато я подолгу тренировался на слетанность в паре с Дмитрием Титаренко, изучал район.

Отважный истребитель Дмитрий Титаренко летал ведомым и у Шестакова, и командир как-то упомянул о черте его характера, которую я уже заметил: Дмитрий не любил рассказывать о своих победах, зато всегда оживлялся и обретал красноречие, когда разговор заходил о подвигах товарищей.

Вечерами на КП командир полка и замполит рассказывали мне о бесстрашных советских асах.

Замполит рассказал мне о Герое Советского Союза осетине Александре Караеве, отличившемся в боях за освобождение Советской Белоруссии, о цыгане летчике Кирилле Бачило, о своеобразной боевой паре — Герое Советского Союза Евгении Азарове и Андрее Громове.

Майор Азаров служил в полку с первого дня войны, обладал безупречной техникой пилотирования; его ведомый, тоже опытный воздушный охотник, летал с ним с 1942 года. Вот какой особенностью отличалась эта боевая пара: у Азарова острота зрения была потеряна, зато у Громова зрение отличное, и ведомый стал «глазами» ведущего. Поступали они так. Впереди летел ведомый, а сзади ведущий — Азаров. Заметив противника, Громов сообщал ведущему: «Азарыч! Я — Громов! Вижу противника». — «Подводи», — передавал Азаров. Ведомый «подводил» его к противнику, и Азаров, заметив немецкий самолет, подавал команду: «Вижу! Атакую!» После этого Громов оттягивался назад и прикрывал хвост самолета ведущего. Азаров атаковывал противника и, как правило, сбивал с короткой дистанции. Недаром он любил говорить: «Не тот летчик — истребитель, который на истребителе летает, а кто врага сбивает». В 1943 году Евгения Азарова из-за плохого зрения чуть не списали с летной работы. Его убеждали, что служить в авиации ему нельзя. На все доводы он отвечал так: «Оставьте меня на фронте до победы. Не подведу, пользу принесу. Даю слово коммуниста». Громов тоже просил оставить командира, обещал зорко смотреть за двоих. И Азарова оставили в части. Свое слово летчики-коммунисты сдержали. На личном счету каждого росло количество сбитых самолетов.

Не один пример выдержки привели командир и замполит, рассказывая о боевой дружбе и взаимной выручке летчиков полка.

Однажды во время Белорусской операции Чупиков вместе с Титаренко — тогда капитаном — вылетели на боевое задание. Они направлялись к линии фронта, выискивая воздушного врага. Мешало заходящее солнце: яркие лучи слепили глаза. Но вот командир увидел: с запада, прикрываясь облаками, к нам в тыл направляются две «рамы» — «Фокке-Вульф-189» — в сопровождении четырех «Мессершмиттов-109». Группа летит чуть ниже нашей пары.

При такой встрече советский летчик мог принять лишь одно решение: немедленно атаковать. И Чупиков подал ведомому команду:

— Атакую «раму»! Прикрой!

Стремительно сближаясь с врагом, он открыл огонь. С одной из «рам» открыли ответный. Путь Чупикову пытались преградить два истребителя, но ведомый вовремя пришел ему на помощь. «Мессершмитты» не выдержали быстрых, напористых атак советского летчика и отвалили в сторону. Но тут командира атаковала другая пара истребителей. Рискуя жизнью, Титаренко снова преградил путь врагу, отбил атаку. Но сам попал в трудное положение: противнику удалось перебить управление, нарушить радиосвязь. Самолет резко накренился на крыло. Дмитрий попытался выровнять машину, но она потеряла управляемость и начала падать. Оставался один выход — прыгать с парашютом. Внизу уже освобожденная земля.

А командир в это время подбил «раму», заставил вражеских разведчиков повернуть назад и полетел им вдогонку.

Капитан падал с «затяжкой», считая секунды, чтобы как можно ближе к земле раскрыть парашют. Чем раньше рванешь кольцо, тем больше шансов для врага: парашют — хорошая мишень. Пора! Движение руки, и над головой капитана заколыхался белый шелковый купол.

Летчик медленно снижался. Сидя на лямках раскрытого парашюта, он с тревогой наблюдал за действиями командира. Тяжело, когда товарищ ведет неравный бой, а ты бессилен помочь.

Полковник догнал «раму». Ему мешали два истребителя, а два других, те самые, которые подбили самолет Титаренко, развернулись и стали быстро приближаться к парашютисту. Все громче выли их моторы. Сейчас вражеские летчики откроют огонь.

И вдруг Титаренко увидел: вдогонку истребителям мчится самолет командира. Он навязывает гитлеровцам бой, отгоняя их от товарища.

«Мессершмитты» пытаются атаковать советского истребителя. Но Чупиков делает искусный маневр, сам мастерски атакует врага и связывает фашистов боем. Его стремительные атаки ошеломляют немцев.

Дмитрий не сводил глаз с самолета командира. Вдруг он почувствовал, что у него под ногами земля, и не удержался — упал. А когда поднялся, увидел, что бой переместился. Титаренко, любивший вспоминать об этом случае, рассказывал мне потом, что тут он крикнул, будто Чупиков мог его услышать:

— Бейте их, товарищ командир! Бейте фашистов! Доверните левее! Внимание: вас атакует «мессер»-ведомый! Так, правильно, товарищ командир! Дали вы им жару!

Полковник стрелял точно и метко. На одном из вражеских самолетов вспыхнуло пламя: снаряды попали в бензобаки, самолет несколько раз перевернулся и упал. Второй оставил поле боя.

И тотчас же самолет командира появился над тем местом, где приземлился Дмитрий, и сделал над ним круг. Титаренко замахал руками: мол, все в порядке — жив, невредим. Командир, убедившись, что боевой товарищ в безопасности, покачал крыльями и взял курс на аэродром.

Сразу наступила тишина.

Дмитрий отстегнул лямки, сложил парашют и вдруг почувствовал такую усталость, что прилег на землю. Но заснуть он не мог: перед глазами вставали картины боя. Вскоре за ним приехали однополчане и отвезли на аэродром, где его с нетерпением ждал Чупиков.

Каждый из них считал, что обязан жизнью товарищу. Так оно и было. Их спасла взаимная выручка.

БИТЬ ВРАГА ПО-ГВАРДЕЙСКИ

У нас произошли перемены. Мы проводили майора Шебеко, получившего назначение в другую часть. И в тот же день с Первого Украинского фронта прибыл новый штурман Герой Советского Союза гвардии майор Александр Сергеевич Куманичкин.

О нем мне уже много рассказывал командир полка. Они вместе воевали во 2-й воздушной армии.

— Истина известная: чем больше с товарищем летаешь, тем больше его узнаешь, — говорил командир. — Мы с Куманичкиным уже слетались. Я буду летать в паре с ним, а ты — с Титаренко. Теперь у нас по напарнику.

— Отлично! Чаще вылетать буду.

До сих пор Титаренко, ведомый командира, был напарником у нас обоих.

Командир представил Александра Куманичкина однополчанам. Многие уже давно знали его и встретили как старого фронтового друга.

Александр мне сразу очень понравился. Смелое лицо, добрые карие глаза внушали симпатию и доверие. Его биография во многом напоминала биографию большинства из нас. До войны рабочий на обувной фабрике «Буревестник» в Москве. Кончил аэроклуб, потом — летное училище. После училища — фронт. Особенно Куманичкин отличился в боях за освобождение Киева. На его боевом счету было более двух десятков сбитых фашистских самолетов.

Он сразу приступил к своим обязанностям штурмана полка, быстро вошел в курс дел.

Поселился Куманичкин вместе со мной и Титаренко и в первый же вечер рассказал о боях, в которых принимал участие.

Вспомнили мы сражение на Курской дуге, где воевали по соседству. И, как это бывало на фронте, сразу подружились.

На следующий день Александр умело и интересно провел занятия с летным составом, еще и еще раз напомнив всем нам о том, что воздушному охотнику необходима отличная штурманская подготовка.

— Каждый из нас, — говорил он, — должен так изучить район, чтобы быстро ориентироваться в любой обстановке. В воздухе надо все время отдавать себе отчет в том, где находишься.

Ясным сентябрьским утром аэродром облетела новость: приедет член Военного совета нашей 16-й воздушной армии генерал Виноградов и вручит полку гвардейское знамя.

По эскадрильям прошли короткие митинги. Говорили о советской гвардии, рожденной в ожесточенных боях под Москвой осенью 1941 года, о подвигах гвардейцев, о том, к чему гвардейское знамя нас обязывает.

Весь личный состав здесь, в полевых условиях, старательно готовился к встрече со знаменем.

Каждому хотелось встать в строй аккуратным, подтянутым — по-праздничному.

И вот все готово. Настроение у всех торжественное.

Полковник Чупиков построил полк невдалеке от КП, перед самоле-

тами, рассредоточенными по полю. Назначена знаменосная группа во главе с начальником штаба: летчики Азаров и Титаренко — ассистенты, я — знаменосец. Мы заняли свое место на правом фланге строя. По приказу командира встречаю генерала у КП. Он держит в руках знамя, завернутое в чехол защитного цвета.

Наш командир отдает генералу рапорт. Потом становится очень тихо.

И вот чехол со знамени снят.

Развернулось алое шелковое полотнище с портретом Владимира Ильича Ленина и надписью, вышитой золотом: «За нашу Советскую Родину». На другой стороне полотнища, колыхавшегося на ветру, виднелся номер нашего гвардейского полка, тоже вышитый золотом.

В торжественной тишине раздался голос генерала, прочитавшего Указ о присвоении полку звания гвардейского.

Сердечно поздравив нас, он пожелал нам высоко держать честь гвардейцев.

Командир принял знамя и благоговейно поцеловал его, опустившись на одно колено. Громко, прочувствованно сказал, что мы будем как зеницу ока хранить гвардейское знамя — символ чести, доблести, героизма, пронесем его сквозь бои до полного разгрома врага.

Он передал мне знамя. И знаменосная группа прошла перед всем строем. Каждая эскадрилья встречала знамя ликующим «ура».

Да, это были прекрасные минуты. Мы почувствовали еще большее единение, готовы были выполнить любой приказ Родины. Знамя нас сплотило еще крепче.

С того дня гвардейское знамя нашего полка хранилось на замаскированном КП день и ночь под охраной часового.

НА УСИЛЕНИИ

Рано утром меня вызвал командир. Он сообщил, что по приказу командующего ВВС Главного маршала авиации А. А. Новикова из нашего полка на Третий Прибалтийский фронт направляется на усиление десять самолетов для борьбы с вражескими охотниками.

— Группу приказано возглавить вам. На подготовку дано два часа. Воздушная обстановка там сложная, срочно потребовалось усиление, — сказал полковник.

— Наконец-то настоящая работа будет! — не выдержал я.

Чупиков смотрит на меня с понимающей улыбкой.

— Ну, кого с собой возьмете?

— Павел Федорович, — говорю я, — разрешите мне полететь с третьей эскадрильей комэска Баклана, в паре с Титаренко. Я к ним как-то больше присмотрелся.

— Согласен, — ответил Павел Федорович. И добавил: — Вам предстоит сложный перелет: сразу вступите в бой. Хорошенько разберитесь в обстановке. Не подкачайте... С вами пойдет самолет «ЛИ-2» с техниками. А чтобы веселее было, можете взять с собой Зорьку.

— Очень хорошо, — отвечаю я, — после вылетов у ребят будет веселый отдых.

Собираю летчиков. И пока техники готовят машины, наносим на карту маршрут перелета. Знакомимся с метеорологической обстановкой на маршруте, подробно изучаем районы предстоящих действий.

Из сводок нам было известно об обстановке, сложившейся в Прибалтике. Противник там упорно сопротивлялся. К тому же успешному продвижению наших наземных войск мешали озера, болота, леса; действиям авиации — вражеские охотники.

Приземляемся на фронтовой аэродром восточнее Валга, на границе Эстонии и Латвии, в разгар боевого дня. Почти все «Яки» на задании. Но, как водится, все, кто оставался на аэродроме — и летчики и техники, — сбежались нас встречать.

Летчики рассказали, что на этом участке Третьего Прибалтийского фронта, на Рижском направлении, идут сильные бои и на земле и в воздухе. Они вылетали на прикрытие наших войск в район Дaксты, вели бои над переправами через реку Седа.

— Прибыли вы кстати, — говорили они. — Противник бросил на наш участок сильную, хорошо подготовленную группу воздушных охотников. Это матерые волки, и они нам очень мешают. В район прикрытия парами прилетают: сначала одна, за ней — другая, третья. Атакуют внезапно со стороны солнца, стараются сковать боем нашу группу. А нам в бой вступать нельзя: того и гляди, бомбардировщики нагрянут.

В это время приземлился наш «ЛИ-2», зарулил на стоянку. А немного погодя под дружный смех летчиков вокруг самолета уже кубарем катался, приветствуя землю, наш взъерошенный, ошалевший от перелета медвежонок.

Перед нашей группой поставлена задача: вести борьбу с вражескими воздушными охотниками.

Мы тщательно, подробно знакомились с районом боевых действий, с воздушной обстановкой, с тактикой фашистских асов. Стали вылетать на охоту по нескольку раз в день, на большой высоте пересекали линию фронта, настойчиво искали воздушного противника. И по

вечерам летчики группы докладывали об успешном выполнении задания.

Однажды Дмитрий Титаренко и я возвращались на аэродром «без добычи»: неудачная у нас выдалась охота. Мы летали к Риге, но на этот раз ни одного самолета не встретили.

Горючее оставалось, можно было еще поохотиться, и я решил повернуть к озеру Выртсьярв, поискать противника вдоль линии фронта.

Летим на высоте 5000—5100 метров. Противника нет. Вокруг — удивительное спокойствие. Видимость отличная.

Сбоку от нас солнце спускается к горизонту, словно вот-вот погрузится в залив. Зрелище так эффектно, что хочется переброситься словом с Титаренко, благо полет подходит к концу:

— Смотри, Дима, какая красота!

— Очень красиво, — отвечает он.

И вдруг я вижу: навстречу нам, метров на 500 ниже, летит двухкилевой самолет. Судя по очертаниям — наш бомбардировщик «Петляков». Да и судя по поведению — наш: спешит к нам. Может, за ним гонится противник — ведь такие случаи бывали.

Всматриваюсь в даль: нет, никто его не преследует. Перевожу взгляд на самолет. В эту секунду он резко изменил курс и, будто провалившись, стал снижаться, увеличивая скорость, и уходить в направлении к Рижскому заливу. Теперь отчетливо виден его тупой нос и черные кресты. Да это «дорнье»! Немецкий разведчик!

Очевидно, у него было задание сфотографировать линию фронта, но экипаж заметил нас и предпочел повернуть восвояси. Задание сорвано — это хорошо. Но врага надо догнать и уничтожить.

Прикидываю: бензина должно хватить. Резко разворачиваюсь. Ведомый не отстает. Преследуем врага.

Разведчик продолжает снижаться. Вот высота уже около 1000 метров. Скорость нашего полета превышает предельную. Расстояние между нами и разведчиком быстро сокращается. Впереди — Рижский залив. Всматриваюсь: истребителей противника нет. Даю команду товарищу:

— Атакую! Прикрой!

Подлетаю к разведчику почти вплотную. Стрелки открывают сильный огонь. Трассы осыпают мой самолет.

Нажимаю на гашетки. Очередь! Но тут мой самолет вздрогнул, и не успел я разобраться, в чем дело, как он перевернулся на спину.

Напрягаю все силы и выравниваю самолет.

— Ты ранен? — слышу испуганный голос Дмитрия.

— Да нет. Видно, в спутную струю от «до́рнье» попал. А где же он?

— Впереди нас ковыляет. Подбит.

Делаю попытку снова атаковать. Увеличиваю скорость. Но самолет опять стал переворачиваться на спину. С трудом его выравниваю.

— Да что с тобой? — снова тревожно спрашивает Титаренко.

— Переворачивает, Дима!

Сбавляю скорость, стараясь удержать самолет в горизонтальном положении.

Противник уходит. Не могу дать Титаренко команду добить: бензин у нас на исходе.

Прислушиваюсь: мотор работает четко, без перебоев. Тут все в порядке. Смотрю на плоскости — левая повреждена, и самолет сильно кренит влево. Ясно — поврежден элерон. Надо возвращаться домой, не теряя ни секунды.

Сбавляю обороты мотора и на предельно малой скорости на небольшой высоте веду подбитый самолет над территорией, занятой противником. Стоит мне сделать одно неосторожное движение, чуть повысить скорость, и самолет теряет управляемость. Вот-вот перевернется снова. Ты подбит, а внизу враг — нет ничего неприятнее этого ощущения!

Если нападут истребители, Дмитрию придется драться одному. От мысли, что я не смогу помочь товарищу, на лбу выступает холодный пот.

Преследуя «дорнье», я рассчитывал, что на обратном пути нас выручит скорость. А теперь у меня мало надежды довести самолет до расположения наших войск. На такой скорости, пожалуй, и Дмитрий не дотянет до дому. Передаю условно: следуй дальше один. А он просит разрешения остаться. Добавляет, что бензина у него хватит. В этом я усомнился. Но понял, что друг не оставит меня.

Когда чувствуешь локоть товарища, знаешь, что товарищ поддержит, легче вести борьбу. Одному мне пришлось бы напряженно следить за воздушным пространством, чтобы вовремя увидеть врага, смотреть назад, делать много отворотов, изломов маршрута, а это лишний расход бензина.

Я смотрел только вперед и сосредоточен был на одном: как довести машину?

За воздухом зорко следил мой товарищ. Его самолет появлялся то справа, то слева от меня.

Вот и линия фронта. Долго же мы до нее добирались! Сейчас непременно откроет огонь зенитная артиллерия противника. Так и есть. Вокруг стали разрываться снаряды. Небольшими отворотами уклоняюсь от огня, с трудом удерживая самолет в горизонтальном положении.

Но вот под плоскостями самолетов земля, освобожденная от врага. Впрочем, истребители могут атаковать и здесь. Да и удастся ли

довести до аэродрома тяжелоуправляемую машину? Надо спасти, посадить ее, пока есть хоть капля бензина. Прыгать с парашютом только в крайнем случае.

Передаю по радио другу:

— Спасибо, Дима. Долечу один.

Он отвечает:

— Прошу разрешения прикрывать до посадки.

И мы продолжаем полет на предельно малой скорости. Поглядываю на приборы, на самолет боевого друга. Осматриваю и землю: на всякий случай подыскиваю площадку, удобную для посадки.

Наконец показался аэродром. Он тщательно замаскирован, но тут я знаю каждый кустик. Различаю место стоянки наших самолетов. К ней сбегаются товарищи — летчики, техники. Их опередила санитарная машина.

Обычно истребитель с легким чувством, победоносно подлетает к своему аэродрому. А я веду подбитый самолет осторожно, будто крадучись. Не привык я возвращаться на такой скорости. По-прежнему сильно кренит влево. Держу ручку управления обеими руками. Неизвестно, как самолет будет вести себя на посадке. Надо еще раз все продумать и принять правильное решение. Передаю Дмитрию команду:

— Иди на посадку!

Вместо ответа он тревожно спрашивает:

— Как дела?

Повторяю:

— Иди на посадку!

На этот раз он беспрекословно повинуется. Бензин у нас почти иссяк.

Все взвесив, иду на посадку и я. Самолет касается земли. Заруливаю к своей стоянке. И тут «Лавочкин» останавливается. Сбежались товарищи, разглядывают плоскость. Вылезая из кабины, слышу слова техника Васильева:

— Да, повреждение серьезное. Как только самолет держался в воздухе, не перевернулся?! Да вы не волнуйтесь, товарищ командир, починим быстро.

Подхожу к Дмитрию и крепко его обнимаю.

— Спасибо, дружище!

За несколько дней боев наша группа уничтожила двенадцать вражеских самолетов. А главное, нам удалось нанести моральное поражение немецким асам, и они стали уклоняться от боев. Задание было выполнено.

Я получил приказ вернуться в полк, когда войска трех Прибалтий-

ских фронтов уже вели бои на ближайших подступах к Риге, располагали большим количеством авиации, и наша помощь уже была не так нужна.

Когда мы прилетели в свой полк, я заметил незнакомого молодого летчика. Он шел торопливо, чуть прихрамывая, навстречу летчикам третьей эскадрильи.

Кто-то крикнул:

— Да это Крамаренко!

И все бросились к нему. Встреча была бурная. Сергей Крамаренко — летчик из третьей эскадрильи. Он был сбит в дни ожесточенных боев под Проскуровом. Несколько месяцев о нем ничего не было известно. Вернулся он в полк, когда мы улетели в Прибалтику.

Вот что с ним произошло. В воздушном бою он был тяжело ранен в руку и ногу. Самолет загорелся, пришлось выброситься с парашютом. На земле летчику оказали первую помощь, а потом отправили на самолете в Москву в госпиталь, где он и пролежал много времени.

На врачебную комиссию Крамаренко пришел, опираясь на палку, но оставил ее в коридоре, не показав виду, что ступать нестерпимо больно. И комиссия, правда с трудом, признала его годным к летной работе. Он стремился в родной полк, приложил немало стараний, чтобы разыскать его. И добрался сюда, к радости всех однополчан.

Куманичкин, рассказавший мне все это по дороге на КП, сказал с довольным видом:

— Вот у меня и напарник теперь есть.

ДО БЕРЛИНА 80 КИЛОМЕТРОВ

В начале февраля войска нашего фронта, успешно продвигаясь на главном направлении, вышли на Одер, форсировали его и захватили плацдармы на левом берегу севернее и южнее Костшина (Кюстрина). Этот старинный польский город у впадении Варты в Одер был превращен фашистами в сильный узел обороны, и с ходу его взять не удалось. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, и наши наземные войска вели кровопролитные бои, закрепляя и расширяя плацдармы.

Началась распутица. К нашей великой досаде, мы отстали от наземных войск. Радиус действия «Лавочкиных» не позволял вылетать на задание к Одеру.

К полудню туман рассеивался, но низкая облачность мешала перелету на новый аэродром. А промежуточных аэродромов с бетонированным покрытием не было до самого Одера.

Авиация противника резко активизировала свои действия. Фашисты использовали свою аэродромную сеть — бетонированные аэродромы Берлинского района противовоздушной обороны. К тому же условия погоды были в том районе лучше, и немецко-фашистские бомбардировщики, налетая группами в 50—60 самолетов, обрушивали удары по плацдармам, переправам и подходившим войскам наших армий. В районе Кюстринских плацдармов противник временно захватил господство в воздухе. Тяжело приходилось нашим зенитчикам. Прикрытие с воздуха для наших армий стало жизненно необходимым.

Немцы пытались остановить продвижение наших войск на Берлин и подтягивали крупные резервы.

...Несмотря на тяжелые условия, наши войска успешно завершили Висло-Одерскую операцию, выполняя задачу, поставленную Ставкой: освободить от немецко-фашистских оккупантов Польшу, выйти к Одеру и перенести военные действия на территорию фашистской Германии.

И вот наконец мы получили приказ: вылететь на аэродром севернее Костшина. В шести километрах от него по Одеру проходит линия фронта, на другом берегу реки наш плацдарм. Берлин в восьмидесяти километрах. Мы стали тщательно изучать маршрут, район нового аэродрома, уточняли линию фронта.

На аэродром южнее Костшина уже прорвался один полк на «Яках». Он вел тяжелые воздушные бои, отражая налеты. Да и аэродром по нескольку раз в день штурмовала немецко-фашистская авиация, и среди летного состава были потери даже на земле.

Наша помощь требовалась срочно. Но нам сообщили, что аэродром, предназначенный для нас, грунтовой и еще не подсох. Да и погода на маршруте нелетная: над низменностью восточнее Одера по-прежнему туманы. Передовая команда БАО и техсостава были отправлены туда на машинах.

Обычно истребители базировались ближе к линии фронта, а бомбардировщики — дальше. На наш же аэродром в Познани сели бомбардировщики и как бы нас вытеснили.

— Наседают на нас бомберы, — шутили летчики. — Пора нам убирать шасси.

Наконец подполковник Топтыгин, тоже уехавший на новый аэродром, сообщил: «Передовая команда добралась благополучно, аэродром готов для приема полка».

И командир решил послать меня первым в паре с Титаренко: я должен, как летчик, определить погоду на маршруте, оценить обстановку в районе плацдарма, выяснить, каковы подходы к аэродрому с воздуха, пригоден ли он для посадки.

Вырулить на бетонную полосу трудновато — колеса застревают в грязи. Но вот мы в воздухе. Сначала низкая облачность прижимала к земле. Затем прояснилось.

Аэродрома еще не видно, но невдалеке от того места, где он должен находиться, над переправами появилась большая группа «фокке-вульфов» — самолетов пятьдесят. Наши зенитчики вступили в единоборство с воздушным врагом.

Образовался как бы купол из разрывов зенитных снарядов. Вот где наша помощь нужна! Но вступать в бой — значит себя обнаружить, а может, и помешать перелету полка.

Неприятно заходить на аэродром, когда близко самолеты противника. Но немцы нас не заметили: мы летели на бреющем над лесом и наши самолеты как бы сливались с фоном местности. Внимательно следя за воздухом, ищу аэродром. Вот он среди деревьев. Еще несколько дней назад он входил в систему берлинской противовоздушной обороны: фашисты частично рассредоточивали свои самолеты на грунтовых аэродромах, чтобы ввести нас в заблуждение (бетонированный аэродром издали виден с воздуха). На этом аэродроме недавно сидели истребители-перехватчики с радарными установками — «Мессершмитты-110».

...С бреющего с ходу производим посадку. Летное поле в порядке. Нас радостно встречают начальник штаба, технический состав. Быстро закатили самолеты в лес, замаскировали. Сообщаю командиру части кодом: к приему самолетов готов, но зенитки еще не прибыли, «работа» есть.

Все готово. Мы в ожидании. И вот к аэродрому начали парами подходить наши красноносые «Лавочкины». Летчики производили посадку, помогали техникам побыстрее закатывать самолеты в лес, тщательно маскировать ветками, приготовленными заранее.

К вечеру прилетел еще один полк, на «Яках», и расположился на южной окраине аэродрома.

Перед ужином полковник Чупиков собрал летчиков и сказал спокойным тоном, каким говорит командир, уверенный в своих подчиненных:

— На нашем направлении противник располагает большим количеством авиации, и пока соотношение сил не в нашу пользу. Располагает он и хорошей аэродромной сетью с ночным оборудованием. Как правило, аэродромы бетонированы, каждый к тому же прикрыт зенитками. Самолеты могут взлететь в любую погоду, в любой час дня и ночи. Над Берлином и другими важными объектами непрерывно барражируют истребители. Поэтому будем выполнять задачи в сложнейшей обстановке. Зато противника долго искать не придется. Но помните: перед боем надо все взвешивать еще быстрее, действовать еще напористее, помогать друг другу по первому сигналу. А сейчас после ужина сразу на отдых. С утра предстоит напряженная боевая работа.

На следующий день мы прибыли на аэродром до рассвета. Еще

было темно, а мы, летчики, уже принимали рапорты от техников о готовности самолетов к вылету.

Начало светать. В готовности №1 находится дежурное звено. Командир держит в руках ракетницу, смотрит на часы. Когда станет светлее, он даст сигнал на вылет звена. Куманичкин, Титаренко и я стоим рядом с командиром.

— Пора бы вылетать, — говорит он, — но еще темновато.

Невольно поднимаем голову. Всматриваемся в сторону запада. И вдруг раздается отдаленный гул. Он доносится с северо-запада. Поворачиваю голову и вижу большую группу «фокке-вульфов». Они уже перешли в пикирование.

Я крикнул:

— Нас атакуют «фоккеры»!

Засвистели бомбы. Противник нас упредил: мы не успели вылететь наперехват.

— По щелям! — приказывает командир.

Прислушиваюсь к звуку падающих бомб, к реву самолетов. Несколько бомб пролетело с шипением — значит, совсем рядом, другие со свистом упали дальше.

На душе тревожно. Успели ли товарищи укрыться? Хорошо, что замаскировали самолеты. Но убережет ли их маскировка?

Пулеметно-пушечный обстрел. Значит, все бомбы уже сброшены. Еще заход. Раздается оглушительный грохот: столкнулись два самолета. Они развалились и упали где-то на окраине аэродрома.

Теперь «фоккеры» перенесли огонь на стоянку «Яков». Смотрю на часы: прошло пятнадцать минут. Противник, вероятно, решил блокировать аэродром. Очевидно, сейчас прилетят бомбардировщики.

Вблизи линии фронта таких аэродромов, как наш, три. И конечно, врагу это не нравится. Прошло двадцать долгих минут, а фашисты все не уходят.

Но вот все стихло.

Вылезаю из щели. Тревожно осматриваюсь и вздыхаю с облегчением: вижу командира, товарищей, среди них — Куманичкин, Титаренко.

У командира встревоженное, суровое лицо. Он дает команду проверить весь личный состав.

Оказалось, во время налета была убита официантка из батальона аэродромного обслуживания. Пройдя долгий военный путь, она погибла незадолго до победы. Несколько техников полка получили ранения. Среди летного состава потерь не было. Летчики дежурного звена успели выскочить из машин, два самолета сгорели. Больше пострадал соседний полк «Яков»: там не придали такого значения маскировке и урон ему был нанесен немалый.

С того дня мы еще в сумерках стали поднимать в воздух самолеты на барражирование, чтобы вовремя перехватить и сковать воздушного противника, который делал тщетные попытки штурмовать наш аэродром.

ПОТОМОК БАРОНА

Советские войска на Берлинском направлении продолжали с боями переправляться на западный берег Одера, расширять плацдармы.

Враг направлял к району боев большие группы «фоккеров». Сбросив бомбы, они действовали как истребители. Немцы пытались воспользоваться плохими метеорологическими условиями — самолеты маскировались облаками, — шли на все, лишь бы сбросить бомбы на наши войска.

Наш полк усилил активность. Летчики по нескольку раз в день вылетали на боевое задание. Завязывались сильные воздушные бои. На нашем фронте появились модернизированные «Фокке-Вульфы-190», с мотором водяного охлаждения. Но нам еще не доводилось с ними встречаться: мы даже не знали их силуэты. Они развивали большую скорость и в основном предназначались для ведения воздушного боя. Но, несмотря на все свои ухищрения, противник во время налетов на наши плацдармы и переправы нес большие потери и стал уклоняться от боя.

10 февраля Дмитрий Титаренко и я возвращались с охоты без добычи.

Перелетели Одер. Слышу по радио свои позывные. Узнаю голос командира полка. Чувствую — он встревожен. Сообщает, что над аэродромом появились два немецких самолета, как будто «мессеры». Так случилось, что наших самолетов в воздухе не было, а поднять наперехват нельзя: на взлете враг мог сбить. Увеличиваю скорость и вижу два самолета незнакомых очертаний: нос напоминает «Мессершмитт-109», а хвост — «фоккера». Ясно — это и есть немецкая новинка.

С ходу атакую ведущего. Открываю огонь. От «фоккера» что-то отлетело, и за ним потянулся широкий белый шлейф. Очевидно, пробита водосистема. Второй скрылся в облаках.

Подбитый самолет пошел к земле в стороне от аэродрома. Но вдруг снова стал набирать высоту: видимо, летчик рассчитывал дотянуть до своих — ведь линия фронта рядом.

Нет, тебе не уйти! Даю вторую очередь. Вспыхнул мотор. Самолет стал падать. И вдруг от него снова что-то отделилось.

В воздухе появился белый купол парашюта. Его несло к нашему аэродрому.

Первым ко мне на аэродроме подбежал Куманичкин:

— Поздравляю с пятидесятым: сбил, как говорят, с доставкой на дом! Фашист приземлился невдалеке от аэродрома, попытался удрать в лес, да наши техники мигом его поймали.

Мы с Куманичкиным и Титаренко отправились на КП, где командир вел допрос. Белобрысый гитлеровский летчик был в белой замшевой куртке, измазанной грязью, под правым глазом аса красовался внушительный фонарь.

Фашист пытался сдержать дрожь. Поглядывая на нас исподлобья, с важностью сообщил, что он — сын знатного немецкого барона, недавно переброшен в числе других фашистских асов с Западного фронта, где сбил восемь англо-американских самолетов. Сынок барона поинтересовался, кто его сбил. Узнав, вдруг стал заискивающе улы-

баться, протянул мне руку и что-то залопотал: оказывается, поздравлял с победой. Его заискивание было мне противно, и я резко повернулся к нему спиной.

ЗА ОРЛОВА!

Плацдармы, занятые советскими войсками на западном берегу Одера, не давали противнику покоя. Он пытался наносить по ним массированные удары с воздуха. Тактику гитлеровцев мы уже хорошо знали. Они крались за облаками, затем выскакивали, пытались бомбардировать наши войска и снова уходили в облака.

12 февраля в паре с летчиком Громаковским вылетаю в район плацдарма. С нами в воздух поднимаются Куманичкин в паре с Крамаренко и Орлов с ведомым Стеценко. Погода стоит облачная, лишь в просветах ясное синее небо. Как всегда в таких метеорологических условиях, применяю бреющий полет. Каждая пара ищет врага в разных районах. По опыту знаю, что группу в несколько самолетов целесообразнее разделить на пары: так легче и эффективнее искать врага на большом пространстве. Связь мы поддерживаем по радио: условлено сообщать друг другу о встрече с противником.

Недалеко от линии фронта из-под нижней кромки облаков вываливаются «фокке-вульфы» — самолетов тридцать. Строятся в боевой порядок, готовясь нанести удар по советским войскам.

Осматриваюсь: наших истребителей прикрытия не видно. Сорвать налет противника — наш долг. От успеха зависит жизнь боевых товарищей — советских солдат и офицеров.

Сейчас все внимание воздушного противника направлено на построение боевого порядка. Потом ошеломить его будет труднее — это я тоже знаю. Медлить нельзя.

Передаю по радио второй и третьей парам:

— Нахожусь в шестом квадрате. Все ко мне!

И Громаковскому:

— Прикрой! Атакую!

Иду на сближение с противником. Прижимаюсь к земле, как бы сливаясь с фоном местности. Под прикрытием Громаковского с ходу снизу врезаюсь во вражеский строй. С дистанции сто метров даю три очереди в «брюхо» «фокке-вульфа». Из пробоины вырвалось пламя, и горящий самолет рухнул на землю.

Тут другой немецкий самолет ринулся на меня сверху сзади. Но Громаковский вовремя заметил опасность. Отвернув вправо, он дал заградительную очередь, а второй, прицельной очередью сбил «фоккера».

Гитлеровцам так и не удалось построиться в боевой порядок. Они

заметались. Но некоторые самолеты установили взаимодействие. Обстановка еще напряженная.

Снова перехожу на бреющий полет, собираюсь нанести повторный удар.

Рядом со мной появляется самолет. Это Куманичкин. Кстати подоспел боевой друг. Передаю ему:

— Саша, бей фашистов!

В паре с Крамаренко он идет на сближение с вражеской девяткой. На высоте 150—200 метров атакует ведущего. И с первой же очереди его сбивает.

— Молодец, Саша!

Стремительно атакуем врага. Действуем слаженно, четко. Часть «фокке-вульфов» уходит в облака, часть поворачивает на запад.

Подлетает Орлов. Под прикрытием Стеценко он атакует вражескую машину. Зажигает ее, проскакивает вперед. Но попадает под удар: фашист успевает открыть огонь. Наш боевой товарищ сбит... И его и немецкий самолеты падают на землю.

Атакуем уходящего врага еще яростнее. Последний «фокке-вульф» пытается скрыться в облаках. Сбить его — за Орлова! Под прикрытием Громаковского атакую снизу. Противник спешит облегчить самолет и бросает бомбу в расположение своих войск. Быстро настигаю его. Мой напарник не отстает. Дистанция подходящая. Открываю огонь — «фокке-вульф» врезается в землю. Вот тебе, собака, за Орлова!

Осматриваюсь: вокруг ни одного фашистского самолета. Мы, охотники, вели бой как истребители прикрытия и помешали врагу бомбить наши войска на плацдарме.

В напряженном воздушном бою с противником, который в пять раз превышал нас численностью, наша шестерка сбила восемь вражеских самолетов: один — Куманичкин, один — наш погибший боевой друг, Орлов, один — Стеценко, два — мой напарник Громаковский, три — я.

Когда я докладывал командиру о бое, на КП приняли радиограмму от командующего сухопутной армией генерала Берзарина. Оказывается, он наблюдал за воздушным боем: видел, как наша шестерка отразила вражеский налет, как фашисты сбросили бомбы на свои же войска, как были сбиты восемь «фокке-вульфов» и смертью храбрых погиб наш боевой товарищ. Все это происходило на глазах пехотинцев: они напряженно следили за ходом боя.

Генерал Берзарин прислал на имя нашего командира благодарность за помощь. А благодарность наземных войск была для летчиков-истребителей высокой наградой.

Крупнокалиберная дальнобойная артиллерия врага стала методически обстреливать наш аэродром: фашисты хорошо знали его координаты.

Мы пытались с воздуха подавить немецкие батареи, но они были хорошо замаскированы, к тому же противник часто менял их позиции.

Нам пришлось перебазироваться на новый аэродром, немного дальше от линии фронта. Грунтовой песчаный аэродром был сооружен инженерным батальоном за короткий срок на узкой просеке, вырубленной в сосновом лесу. При взлете и на посадке приходилось особенно внимательно выдерживать направление.

Лес часто прочесывали — там скрывались гитлеровские вояки; как правило, они сопротивления не оказывали. На аэродроме то и дело появлялись «гости»: солдаты и младшие чины, сдававшиеся в плен. Как-то пленные сообщили, что в чаще леса в землянке отсиживаются офицеры. Несколько наших однополчан по приказу командира вооружились автоматами и отправились к указанному месту. Гитлеровцы сдались в плен.

А по дорогам шли и шли с котомками немцы из гражданского населения — убедившись, что воины Красной Армии их не тронут, беженцы возвращались в села и города. Дети выстраивались с котелками у наших походных кухонь... Да, много мыслей и воспоминаний теснилось в голове при этой картине.

Командир получил приказ направить группу летчиков в район Старгарда (Штаргардта), на правое крыло фронта, где наши войска плечом к плечу с воинами Первой армии Войска Польского вели наступательные бои. Одновременно шло наступление и войск Второго Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. Противник отступал к северу.

Господство в воздухе было на стороне воздушных армий обоих фронтов. Однако в направлении крупного узла железнодорожных и водных путей Щецина фашисты удерживали небольшой плацдарм в районе Альтдамма и пытались всеми силами остановить продвижение наших войск. Воздушный противник вступал в активные бои.

Фашисты перебрасывали в район Альтдамма самолеты последнего образца и отборных асов. Как водится, их снимали с тех фронтов, где немецко-фашистские части без боя сдавались англо-американским войскам.

Гитлеровские охотники в районе восточнее Альтдамма стали не-

ожиданно нападать на советских штурмовиков и бомбардировщиков. Сначала им удалось выиграть несколько воздушных боев. И фашисты, очевидно, решили, что асы нанесут поражение нашей авиации и изменят воздушную обстановку.

Командир решил возглавить группу, в которую входили Куманичкин, Титаренко, Азаров, Громов и еще несколько летчиков. Мне, как заместителю командира, приказано остаться на аэродроме и вылетать по вызову Чупикова с КП авиасоединений на усиление.

Тщательно разработав план действий, командир собрал летчиков на КП и четко объяснил задачу. Группе приказано сесть в нескольких километрах от переднего края, на восточном берегу озера Медве, и вылетать на охоту в район юго-восточнее Альтдамма. На аэродроме должно вестись тщательное наблюдение за воздухом. Наши товарищи будут вылетать и наперехват противника «по-зрячему», как только он покажется, и, застигнув его врасплох, наносить удар.

Полковник предупредил летчиков, что условия предстоят нелегкие. Аэродром необычный: узкая и длинная бетонированная полоса, с которой прежде взлетали фашистские самолеты «Мессершмитт-163». Сейчас весенняя распутица: грязь с обеих сторон обступила полосу. А она так узка, что малейший просчет при посадке и взлете может привести к аварии.

Летчиков трудности не пугали. Аэродром на бетонированной полосе сразу же окрестили «засадой», оживленно обсуждали ее преимущество:

— Фашистам и в голову не придет, что среди моря грязи, рядом с передним краем — наши самолеты. Хорошо придумано!

Фрицам со страху покажется, будто мы из-под земли поднимаемся!

Сборы недолги: в полдень все готово, самолеты осмотрены, маршрут, условия полета и посадки изучены.

С волнением провожаем друзей на опасное задание:

— До встречи в воздухе! Возвращайтесь с победой!

Почти каждый день мы вылетали по вызову командира и с КП авиакорпуса на север, к Альтдамму и к озеру Медве, которое служило нам ориентиром для выхода в район боевых действий.

Вылетая на правое крыло фронта, мы преодолевали значительное расстояние и сражаться могли лишь непродолжительное время. Но даже в коротких схватках удавалось наносить воздушному врагу немалые потери.

Действовали мы южнее Альтдамма небольшими группами, совместно с истребителями авиакорпуса генерала Савицкого: они удерживали господство в воздухе, активно вели боевые действия, прикрывали войска и сопровождали бомбардировщики.

Вылетали мы и по вызову с КП авиасоединений на запад: в район Зееловских высот, между Костшином и Берлином, и непосредственно в район Берлина.

За время отсутствия полковника Чупикова я почувствовал еще большую ответственность и за свои действия, и за действия однополчан. Дел и забот прибавилось.

Улетая, командир поручил мне обратить особое внимание на одного летчика.

В полку он служил уже давно, и назвать молодым его было нельзя, но на счету у него не было ни одного сбитого вражеского самолета. На задание он вылетал, но противника не искал, боя не вел. И уже не раз шел у нас разговор о нем с командиром и замполитом.

— Да что же это за истребитель? — удивлялся я. — Надо или перевоспитать его, или строго наказать за трусость.

Как-то вечером вызвал его к себе. Говорил мягко: старался понять, что же он собой представляет. Задал несколько вопросов. Оказалось, летчик он грамотный. Значит, дело тут не в подготовке. И я решил проверить его в воздухе. Вызвал снова на следующее утро и сообщил, что он сейчас полетит со мной в паре на свободную воздушную охоту. Воспринял он это более или менее спокойно.

— На всякий случай проверьте кислородное оборудование, — добавил я, внимательно наблюдая за ним. — Может быть, придется вести бой на большой высоте.

Вижу: он побледнел, глаза у него стали испуганные, губы задрожали. Он хотел что-то сказать, но я сухо заметил:

— Разговор окончен. Помните: главное — искать в воздухе противника. И во время боя не отрываться. Самообладания не терять.

Таких малодушных людей у нас в авиации я еще не видел и был несказанно удивлен и возмущен. Решил его вышколить, да так, чтобы он на всю жизнь запомнил наш полет.

Мы вылетели. Набрали большую высоту. Пересекаем линию фронта. В стороне, справа от нас, — Берлин. Ведомый не отстает.

— Берлин видите? — спрашиваю ведомого.

Он передает спокойным тоном:

— Вижу.

В это время ниже нас справа появляются два «мессершмитта».

— Видите противника? — спрашиваю снова.

— Вижу, — отвечает он совсем другим, дрожащим голосом и приближается ко мне.

— Не жаться! Держать правильный боевой порядок!

Выполнил он приказ своеобразно: перелетел на левую сторону. Теперь он был довольно далеко от моего самолета.

«Трусит явно! — подумал я. — Посмотрим, что будет дальше».

Произвести атаку я не успел: очевидно, фашисты увидели нас и улетели. Впрочем, они часто делали так: уходили, в стороне набирали высоту, а затем возвращались и атаковывали сверху.

Я внимательно проследил: фашисты ушли далеко. Говорю по радио ведомому:

— Видите, враг нас боится!

— Вижу, — отвечает он более уверенным голосом.

Летим дальше. На горизонте появляется восьмерка самолетов. Противник! Шестерка разворачивается вправо и уходит в сторону Берлина. А пара поворачивает к линии фронта. Хорошая будет моему напарнику школа! Он снова начал прижиматься к моему самолету.

— Близко подходите! — передаю я ему.

Он слушается команды. Занимает почти правильный боевой порядок.

— Так держаться! — передаю я.

Переговоры по радио могут обернуться на пользу противнику: он может нас засечь. Но я рассчитываю на скорость нашего полета и высоту.

Сначала я подумал, что враг готовит нам ловушку. Но шестерка ушла в направлении Берлина. И я решил преследовать пару, которая летела к линии фронта с курсом на восток — прямо к Костшину.

Увеличиваю скорость. И по привычке, хоть и мало рассчитываю на помощь, передаю по радио ведомому:

— Атакую! Прикрой!

Сближаюсь с противником. Беру в прицел самолет ведущего. Сейчас в упор расстреляю. Нажимаю на гашетку. Короткий выстрел, и пушки замолчали. В чем дело? Какая-то неисправность. А ведь никогда этого не бывало...

Самолеты врага сделали переворот. Я тоже сделал переворот — и за ними!

Быстро произвожу перезарядку. Не отстаю. «Фоккеры» пытаются набрать высоту. Сближаюсь с ними. Что такое? Не стреляют пушки, да и только!

И тут я вспоминаю о своем ведомом. Да где же он?

Передаю команду:

— Ко мне!

Осматриваюсь: его нигде нет. Впрочем, вот он: ведет огонь на большом расстоянии и уходит с курсом на восток.

Приказываю по радио:

— Не уходи!

Но остановить его невозможно... Фашисты, видимо, заметили, что пушки мои молчат, а ведомый покинул меня. Они вдруг приняли бой. Пока я гонялся за ведущим, его напарник открыл огонь. Я очутился в тяжелом положении: противник попался сильный. Очевидно, это тоже были охотники.

Пришлось выворачиваться. Отрываюсь от ведущего и, используя отличные качества самолета, делаю сложную фигуру. Оказываюсь выше противника. И мы расходимся: «фоккеры» улетают в направлении Берлина, я — на свой аэродром.

Мой напарник был уже там.

— Противника видели? — спрашиваю я.

Он очень взволнован. Отвечает с трудом:

— Да ведь я стрелял, товарищ командир! Все боеприпасы израсходовал.

Я вышел из себя.

— Да кто же так стреляет? — Сдерживаюсь, продолжаю спокойно: — Запомните: такими атаками вы только дело портите и себя унижаете. Надо бить врага уверенно, смело, с короткой дистанции. Иначе противник воспользуется вашей слабостью и уничтожит вас быстро.

Я терпеливо разобрал с ним вылет и под конец сказал:

— Поразмыслите обо всем. Тренируйтесь. И учтите: если вы еще раз бросите товарища, никакой скидки вам не будет. Наказаны будете строго.

Как видно, испытание далось ему нелегко. Да и товарищи на комсомольском собрании осудили его за малодушие. Он стал много

тренироваться, внимательно выслушивал замечания опытных летчиков. И вот однажды пришел на командный пункт радостный, торжествующий, доложил мне, что сбил вражеский самолет, и поблагодарил за суровый урок.

Напряженную работу вела группа наших однополчан в те дни, когда войска освобождали польскую землю западнее Альтдамма. Выполнив задачу, они вернулись в полк всем составом, не потеряв ни одного самолета. Настроение у всех было бодрое, приподнятое.

— Приказ командования выполнен, — говорил Чупиков, пожимая нам руки. — Порядок наведен. Летчики отлично дрались, и счет сбитых самолетов у всех вырос.

Асеев и я доложили командиру о том, как часть жила во время его отсутствия. Я доложил о боях, которые мы провели, вылетая по вызову.

— Да, слышали ваши голоса по радио. Вы нам не раз в нужную минуту оказывали помощь, — сказал командир. — Теперь мы все вместе должны обобщить боевой опыт и готовиться: главное начнется на Берлинском направлении.

Вот что в тот вечер после ужина рассказали нам товарищи.

Вылетев с нашего аэродрома, они быстро приближались к месту посадки. Скоро под плоскостями самолетов появилась узкая серая полоса: это и был аэродром.

В стороне, почти рядом с ним, шел танковый бой. На помощь нашим танкистам пришли «катюши». Сверху было видно, как они разметали танковую часть противника. Уцелевшие танки поползли назад.

Победа наземных войск воодушевила летчиков.

Командир качнул крыльями — это был условный знак: приказ группе немедленно идти на посадку. Группа незаметно приземлилась на бетонированной полосе.

Погода стояла скверная. По небу неслись рваные облака, по земле стлался туман. Иногда в «окнах» появлялось солнце. Оно пригревало землю, и испарения поднимались вверх. В воздухе висела густая дымка.

Сложны полеты в таких условиях, сложны взлеты по тревоге из «засады», но и посадку и взлет летчики отработали отлично. Ни одной аварии не было.

Наши товарищи по нескольку раз в день вылетали на поиск фашистских охотников. Вылетали «по-зрячему», нанося удары по появившимся вражеским самолетам. И по вызову рации наведения с соседнего аэродрома на помощь «ИЛам». Спали по четыре-пять часов в сутки. Производили атаки по фашистским самолетам, снизу, маскируясь

фоном местности; наносили удары и сверху, выскакивая из облаков. Противник не мог разгадать, откуда внезапно появляются красноносые истребители. Фашисты стали хитрить: старались использовать метеорологические условия, бить только «из-за угла», вылетали лишь во время захода солнца, когда его лучи слепили наших летчиков. Немецко-фашистские асы стали появляться и на больших высотах, но наши, ведя за ними охоту, поднимались еще выше.

— Тут мы часто действовали совместно с вами, когда вы прилетали по вызову. Ожесточенные завязывались бои, и мы всегда выходили победителями. За несколько дней наша группа с вашей помощью и помощью «Яков» нанесла противнику большой урон, — говорили наши боевые товарищи.

В тот вечер мы многое узнали о боевых делах группы, об отваге, мастерстве однополчан. Особенно запомнился рассказ Азарова.

Однажды он в паре со своим неизменным ведомым Громовым вылетел из «засады» на охоту. У самой линии фронта Громов увидел, что навстречу на той же высоте, около 5000 метров, летит пара «фокке-вульфов» — очевидно, матерые воздушные волки. Они самоуверенно направляются в наш тыл, на поиск советских самолетов.

Громов передает Азарову:

— Впереди пара «фоккеров».

И сейчас же слышит команду:

— Атакуем!

Противник пытается занять в воздухе господствующее положение. Но «Лавочкины» упредили его. Бой разгорается.

В глазах у наших летчиков рябило от перегрузки — казалось, на плечи навалилась непомерная тяжесть.

Вот перекрестья прицела Азарова легли на серый самолет.

«Фокке-вульф» зависает на несколько секунд, как бы приостанавливается в верхней точке при вертикальном полете. Азаров пользуется недостатками конструкции немецкого самолета и качествами нашего (мощность нашего мотора позволяла делать лучшую вертикаль) и со второй очереди зажигает машину ведомого. На «фоккере» вспыхнуло голубоватое пламя. Клубы дыма поползли вверх. Фашистский летчик прыгнул с парашютом, но парашют, как выяснилось потом, не раскрылся.

Ведущему вражеской пары удалось открыть огонь по самолету Громова, прикрывающего атаку Азарова.

Азаров делает быстрый маневр и мчится на выручку боевого друга. Самолет противника резко разворачивается и, набирая скорость, улетает.

Громов доложил ведущему, что все в порядке, и они полетели вслед за «фоккером». Настигли его над расположением врага.

— Сбить фашиста! — приказывает Громову Азаров. — Атакуй! Прикрываю!

Громов производит молниеносную атаку — пикирует. Фашисту удается ускользнуть, и он снова пытается подняться выше наших летчиков.

Азаров летит ему наперерез, а Громов делает еще один заход и снова атакует. Одна, другая очередь, и вражеский истребитель кренится на крыло. Он теряет управляемость и падает.

В «засаде» отважную боевую пару, как всегда, шумно и радостно встречали товарищи. Азаров быстро выскочил из кабины, а Громов вылезал очень медленно, держась рукой за щеку. Его лицо было залито кровью. Друзья бросились к нему. Всех опередил врач.

— Не волнуйтесь, просто царапнуло щеку осколком. Пустяки! — говорил Громов.

Оказалось, он уже был ранен, когда докладывал ведущему, что у него все в порядке: в лицо попал осколок от приборной доски, разбитой пулеметной очередью. Несмотря на острую боль, он атаковал и сбил врага.

Громов потерял много крови, но наотрез отказался лечь в санчасть. В тот же день, когда врач извлек осколки из его щеки, он с забинтованной головой отправился на очередное боевое задание.

Вечером в «засаду» прилетел генерал, командир авиасоединения. Он собрал летчиков и поблагодарил Азарова и Громова за выполнение боевого задания: было установлено, что они сбили двух известных фашистских асов.

После возвращения группы Чупикова мы вылетали по нескольку раз в день на охоту к Зееловским высотам. Здесь фашисты сосредоточили все средства обороны. Сверху мы видели противотанковые рвы, зенитные орудия, траншеи с огневыми средствами, видели, как гитлеровцы ведут перекрестный огонь на подступах к Зееловским высотам.

В этом районе все время стояла дымка от пожаров и весенних испарений. Она ухудшала видимость. Вылеты были сложны. Естественный горизонт не был виден, и на помощь приходили приборы, работавшие точно и безотказно. И каждый раз после ожесточенных боев над Зееловскими высотами я благодарил техников и младших авиационных специалистов. Замполит Асеев на полковых собраниях, подводя итоги работы, всегда отмечал, что технический состав помог летчикам выполнить задание, что победы над воздушным врагом мы достигали благодаря совместным усилиям всего полка.

НА БЕРЛИН!

Войска трех фронтов готовились к последнему, решающему сражению — наступлению на Берлин. Перед Кюстринским плацдармом, где воины нашего фронта ближе всего подошли к фашистскому логову, гитлеровцы создали прочную оборону, сосредоточив здесь большое количество войск и техники. Три оборонительные полосы шли вокруг самого Берлина. Фашисты разделили город на секторы, тщательно подготовленные к обороне.

Сюда, к Берлину, несмотря на бои с англо-американскими войсками, гитлеровское командование стянуло основные силы. Авиация в основном состояла из истребителей, причем на Берлинское направление были стянуты самые боеспособные эскадры; здесь были установлены радиолокационные посты для обнаружения нашей авиации. Враг, еще сильный и опасный, намеревался упорно оборонять Берлин от натиска наших войск.

Как все советские и польские воины, которым предстояло участвовать в Берлинской операции, мы с нетерпением ждали наступления и усиленно готовились. Вся партийно-политическая работа в полку была направлена на всестороннюю подготовку к решающим боям. И весь личный состав жил одной мыслью: выполнить приказ Родины.

Нас перебазировали на аэродром ближе к переднему краю. И, подобно множеству авиационных полков, мы были в полной боевой готовности.

В тот день, 15 апреля 1945 года, замполит Асеев прочел личному составу полка воззвание Военного совета фронта — призыв победоносно завершить войну. А потом командир собрал руководящий состав полка и сообщил, что, очевидно, завтра начнется решающая битва.

— Проверьте, чтобы летчики хорошенько отдохнули, пораньше легли спать, — добавил он, отпуская нас.

Наконец наступил день, к которому все так готовились, которого так ждал весь наш народ.

Еще затемно раздался гул канонады. От мощных артиллерийских залпов дрогнула земля. Все мы вскочили. Я взглянул на часы: было пять часов по московскому времени.

И вот мы на аэродроме. Куманичкин, Титаренко и я спешим на КП. Начальник штаба Топтыгин докладывает командиру обстановку. Грохот артподготовки заглушает голоса. Но мы понимаем друг друга. Нас охватывает боевое воодушевление, наступательный порыв, знакомые каждому фронтовику.

Выходим на аэродром. Не отрываясь смотрим в сторону Берлина. И вдруг происходит небывалое. В небо взметнулся прямой луч прожектора. И тотчас же яркий ровный свет залил все вокруг. Потом

мы узнали, что по световому сигналу — этому яркому прямому лучу — было включено 143 зенитных прожектора. Они осветили путь нашим войскам. В атаку пошла пехота при поддержке танков и артиллерии, которая перенесла огонь в глубину вражеской обороны.

Авиация 18-й воздушной армии еще задолго до рассвета нанесла удары по опорным пунктам и узлам сопротивления врага. Тяжелые бомбардировщики обрушили удары в глубине обороны. Гул самолетов и артиллерии сливался воедино.

На рассвете штурмовики и бомбардировщики нашей 16-й воздушной армии начали громить врага с воздуха. Истребительная авиация надежно прикрывала наступающие советские войска и обеспечивала свободу действий бомбардировщикам и штурмовикам. Погода была пасмурная, в воздухе стояла густая дымка, но совет-

ские летчики произвели в тот день свыше семнадцати тысяч боевых вылетов.

Вылетали и мы. С чувством гордости за наши Военно-Воздушные Силы осматривал я пространство: никогда еще не видел такого количества самолетов. Даже нам, охотникам, было тесно, и мы залетали еще дальше на запад и искали противника на дальних подступах к полю боя. Фашисты пользовались плохими метеорологическими условиями и, экономя силы и резервы, пытались напасть на нас «из-за угла». И неизменно терпели поражение: мы их настигали и били.

В тот же день вырос счет полка.

МОЙ ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

На второй день наступления наших войск, 17 апреля, ожесточенные бои шли на Зееловских высотах. Фашисты яростно сопротивлялись, но наши войска продолжали свое победоносное наступление. Здесь, на подступах к Берлину, каждый из нас, советских воинов, не жалел сил и даже жизни, лишь бы ускорить разгром врага. И чем ближе была победа, тем неудержимее мы рвались в бой и не чувствовали усталости.

Нелегкой была обстановка не только на земле, где советские войска с боями брали рубежи, преодолевая глубоко эшелонированную оборону, но и в воздухе. Фашистская авиация активизировала свои действия. Враг стал бросать с берлинских аэродромов большие группы самолетов — лучшее, что осталось от его потрепанных воздушных сил, — пытаясь наносить удары по нашим войскам. И, несмотря на все, Красная Армия неудержимо продвигалась вперед — к логову Гитлера.

У нас задача вылетать на охоту в район Берлина. Мы вели поиск, проскакивая под облаками, вступали в бой с любой по численности группой. Но уничтожить воздушного противника в районе Берлина было делом не простым.

Активные действия нашей авиации заставили воздушного врага идти на всяческие ухищрения. Фашистские самолеты изменили время прихода к району боевых действий. Они стали прилетать не утром, а под вечер, летели с запада, когда нас слепили лучи заходящего солнца. Но это им не помогло. Мы тоже начали вылетать на охоту под вечер. Залетали еще глубже, в пригород Берлина, и, пользуясь дымкой, стоявшей в воздухе, «прочесывали» пространство.

Перед самым заходом солнца особенно плохая видимость была в районе Берлина и Зееловских высот. Приходилось часто переходить на пилотирование по приборам, поэтому можно было внезапно встретиться с противником — оценить обстановку было трудно.

— Игра в жмурки, — говорили летчики.

В тот напряженный день летчики полка вылетали по нескольку раз. К вечеру я вылетел в паре с Титаренко в район Берлина. Командир отпустил нас неохотно. Это был наш пятый вылет, да и обстановка была сложная. В воздухе стояла густая дымка от пожаров: иной раз с самолета ничего не было видно буквально за несколько метров.

Со всей строгостью предупреждаю Титаренко:

— Дима, внимательно следи за всеми моими действиями. Вылет сложный, тем более оба мы устали. Ни на секунду не ослабляй внимания. Не горячись и смотри в оба!

— Слушаюсь! — отвечает Старик.

Молча пересекаем линию фронта на высоте 3500 метров. Я мельком посмотрел вниз в сторону Зеелова: там шел ожесточенный бой.

Подлетаем к северной части Берлина. Напряженно вглядываюсь в даль, на запад. Почти ничего не видно. Мешает мгла, пронизанная лучами солнца. Да и облака появились.

И вдруг я отчетливо увидел группу «Фокке-Вульфов-190» с бомбами. Они летели навстречу. Ясно — собираются совершить налет на наши войска.

Обычно я издали замечал противника и строил маневр. А сейчас из-за плохой видимости встретился с ним неожиданно, чуть ли не в лоб. Летим на встречных курсах.

Фашисты тоже увидели нас и открыли огонь. В воздухе промелькнули трассы.

Надо разобраться в обстановке, выяснить, сколько вражеских самолетов в группе, а потом уж вступать в бой. Резко отворачиваю на 90 градусов. С набором высоты отлетаю в сторону — в тыл фашистов. Прикрываюсь небольшим облаком.

Считаю самолеты.

Передаю по радио на КП.

— В районе северо-западнее Берлина встретил около сорока «фокке-вульфов» с бомбами. Курс на восток. Высота 3500 метров.

Противник, очевидно решив, что наша пара ушла, спокойно продолжает полет. Соотношение сил явно не в нашу пользу. Не значительный просчет — и все будет кончено. Наш долг — сорвать налет, и я принимаю единственно возможное решение: атаковать.

— Готов к бою, Дима? — спрашиваю Титаренко.

— Готов, — отвечает он.

Не знаю, что он чувствовал в ту секунду, но голос у него был ровный, уверенный.

Разворачиваемся. На предельной скорости сзади сверху приближаемся к хвосту колонны со стороны солнца. Я подлетел вплотную

к ведомому последней пары. Почти в упор открыл огонь. И самолет, разваливаясь в воздухе, рухнул на окраину города.

Фашисты заметались. Некоторые начали бросать бомбы, торопясь освободиться от груза. Боевой порядок врага нарушен.

Проскакиваю мимо вражеских самолетов. Резко взмываю вверх. Титаренко — за мной. Кладу самолет на крыло, смотрю вниз. В задних рядах «фокке-вульфы» мечутся, ходят «змейками»: видно, разбираются, кто же начал их бомбить. Несколько «фоккеров» поворачивают на запад. Но большая часть продолжает полет. Как же им помешать? На помощь приходят опыт и умение. Решение найдено: надо вклиниться в боевой порядок фашистов, расстроить его.

Передаю ведомому:

— Держись, Старик!

Ввожу самолет в пикирование. На предельной скорости проносимся между вражескими самолетами. Стремительно атакуем их то справа, то слева. Как часто бывало в таких случаях, фашисты, конечно, вообразили, будто нас много. В суматохе сбрасывают бомбы, строятся в оборонительный круг.

Но вот немцы опомнились — очевидно, приметили, что в воздухе всего два советских самолета, — и начали нас атаковать.

В хвост к моему самолету пристраивается «фоккер». Титаренко отбивает его атаку. Вражеский самолет вспыхивает в воздухе. Спас меня боевой друг.

Внимательно осматриваю воздушное пространство. Вижу группу наших истребителей. Товарищи летят к нам на помощь. Они вступают в бой с врагом, обращают его в бегство. Теперь мы с Титаренко можем спокойно лететь домой. Поворачиваем к линии фронта. Но, по обыкновению, продолжаем искать врага и после боя. И не напрасно: впереди ниже нас показывается «фокке-вульф» с бомбой. Очевидно, он отделился от группы и держит курс к нашим войскам. Экипажу явно хочется получить крест: сейчас, в конце войны, Гитлер, не скупясь, награждает фашистских летчиков крестами за каждый уничтоженный советский самолет, за бомбежку войск.

Передаю ведомому:

— Смотри-ка, у нас попутчик! Атакую!

Настигаю фашиста. Должно быть, экипажу сообщили по радио о погоне. Враг сбрасывает бомбу на берлинский пригород и, маскируясь на фоне местности, старается уйти. В упор расстреливаю его, когда он выводит самолет из пикирования. «Фокке-вульф» взрывается в воздухе.

Бой закончен, и первая моя мысль — о ведомом. Оглянулся: он здесь. Затем — о самолете. Посмотрел на плоскости: пробоин не видно. Взглянул на бензомер: горючее кончалось. Осмотрелся: ни одного вражеского самолета нет.

Я вздохнул, расслабил мускулы. Как всегда после напряженной схватки, чувствую нервную дрожь. Голова горит, мучит жажда. Главное теперь — прийти на аэродром. Беру себя в руки, внимательно слежу за обстановкой. А это нелегко: дымка стала сгущаться еще больше.

— Ну, как дела, Дима? — спрашиваю я.

— Все в порядке. Только горючего мало, — отвечает он охрипшим голосом.

— Не беспокойся: идем на аэродром точно.

Когда мы приземлились, оказалось, что баки у нас почти сухие.

Первым ко мне на аэродроме подошел командир. И сейчас же нас окружили однополчане. Они знали, что мы вдвоем вели бой с четырьмя десятками вражеских самолетов, и ждали нас с тревогой. Товарищи обнимали нас, засыпали вопросами.

В этом бою Дмитрий Титаренко увеличил личный счет сбитых вражеских самолетов; я же сбил шестьдесят первый и шестьдесят второй самолеты. Нам помог добиться этой трудной победы тот неудержимый наступательный порыв, который охватил в те дни всех советских воинов.

СОЛДАТЫ ОТЧИЗНЫ

Советские войска на всех фронтах вели наступательные бои, готовились нанести последний сокрушительный удар по фашистам. 21 апреля войска нашего фронта ворвались на северную окраину Берлина, войска Первого Украинского — с юга.

Фашисты готовы были, спасаясь от расплаты, открыть фронт на западе. Но спасения им уже не было. Наши войска с боями двигались в центр фашистского логова, к рейхстагу, и 25-го полностью окружили берлинскую группировку врага.

Утром, когда мои однополчане были на боевом задании в районе Берлина, я по приказу нашего командования вылетел на задание мирное. Я летел на военно-транспортном самолете как пассажир в Москву. Мне было приказано: от имени воинов Первого Белорусского фронта выступить по московскому радио в канун 1 Мая, передать советским людям, работающим в тылу, великую благодарность за неустанную заботу о нас, фронтовиках, за всенародную помощь и внимание.

Каждый фронтовик хотел бы увидеть праздничную Москву, но как, пусть и ненадолго, покинуть фронт в решающие дни! Да и выступать мне доводилось только перед товарищами, в своей боевой семье. И этот трудный и необычный для меня приказ я должен выполнить.

Во время разворота смотрю в сторону Берлина, туда, где наши войска ведут последние бои, где летчики наносят последние удары по хваленому геринговскому воздушному флоту.

Самолет взял курс на восток. Пролетаем над свободной польской землей; над ней еще недавно нам приходилось вступать в жаркие воздушные схватки. Сколько мыслей, сколько воспоминаний проносится в голове!..

Лечу всего лишь несколько часов, а кажется, прошли годы. С волнением смотрю на землю: перелетаем нашу государственную границу. Здравствуй, Родина!

Под крыльями самолета — Подмосковье.

По привычке внимательно осматриваю воздушное пространство. Какое спокойное небо, как легко дышится!

И вот я иду по оживленным улицам столицы. Москвичи готовятся к празднику. Все с нетерпением, с радостным волнением ждут сводок о завершающих боях нашей армии-освободительницы, ждут мира.

30 апреля в Москве было отменено затемнение. Вечером впервые за годы войны во всех окнах, во всех витринах вспыхнул яркий свет, на улицах и площадях зажглись фонари.

Да, не такой была Москва осенью 1942 года, когда мои друзья и я — старшие сержанты — с таким нетерпением ждали приказа о вылете на фронт. Тогда она была сурова, затемнена — ни огонька на улицах.

И мы тогда были иными — необстрелянными летчиками. С той поры одни погибли смертью храбрых в боях с фашистскими захватчиками, другие стали испытанными боевыми летчиками. На личном счету каждого из нас теперь не один десяток сбитых вражеских самолетов, не одна сотня боевых вылетов. Мне довелось 330 раз вылетать на боевые задания, 120 раз вступать в бой с воздушным врагом, сбить шестьдесят два фашистских самолета.

Я стоял на улице у радиорупора плечом к плечу с москвичами. С волнением слушали мы долгожданную сводку Совинформбюро. Войска Первого Белорусского фронта овладели в Берлине рейхстагом и водрузили на нем красное Знамя Победы!

Вечером выступаю по радио. Волнуюсь так, как никогда, кажется, не волновался. О многом хочется сказать дорогим соотечественникам, поделиться тем, что испытывает сейчас, в дни завершающих боев, каждый фронтовик. Но выступление у меня короткое. Выполняю наказ боевых товарищей: докладываю об успехах на нашем фронте и от их имени благодарю партию, весь советский народ, передаю их сердечный фронтовой привет.

Собираюсь немедленно вылететь в часть, но меня вызывают в Главное политическое управление Красной Армии. Там узнаю о падении гитлеровского Берлина. Победоносно закончилась Берлинская

операция, в которой участвовали войска нашего фронта, операция, начатая 16 апреля при свете зенитных прожекторов.

Поздравив меня с этим великим событием, мне говорят:

— Через несколько дней вернетесь в полк: он уже приступает к мирной учебе. А пока побывайте на заводах, фабриках: расскажите рабочим, как летчики добивались победы, как громили немецко-фашистских захватчиков.

И я каждый день бываю на предприятиях. Рассказываю о боевых делах тем, кто совершал трудовые подвиги в тылу. А со мной делятся мирными планами: все стремятся скорее восстановить то, что разрушил враг. Многие предприятия уже перешли на мирную продукцию. Заводы, выпускавшие боевые машины, выпускают первые комбайны и тракторы. Советский народ одерживает новые победы — в мирном труде.

Хотелось мне День Победы провести со своими боевыми друзьями, а довелось отпраздновать его в столице — я вылетел туда по приказу командования.

В тот незабываемый день Москву заливал солнечный свет, на домах алели праздничные флаги. Я шел по улице рядом с теми, кто в тылу и на фронте отстаивал свободу и независимость нашей Родины.

Люди шли тесными рядами, пели, обнимались, поздравляли друг друга: казалось, все мы давным-давно знакомы. Военных встречали ликующими возгласами, качали. Я смотрел на взволнованные лица, видел слезы радости на глазах и с трудом сдерживал волнение. Никогда, кажется, не был я так счастлив. Только жалел, что нет со мной друзей-однополчан.

Мои раздумья были неожиданно прерваны. Меня подхватила ликующая толпа. И я полетел вверх под возгласы:

— Качать летчика!

— Ура советским воинам!

Вечерело, а на улицах было так же многолюдно. Все шли на Красную площадь к Мавзолею Ленина. В нескончаемом людском потоке шел и я. Вспоминалось мне гвардейское знамя нашего полка с большим портретом Ильича — портретом, вышитым руками ткачих в дни ожесточенных боев за Советскую Родину. Вспомнилась 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. В тот день фашистские полчища рвались к Москве, а на Красной площади был военный парад. Мимо Мавзолея проходили наши героические войска. Отсюда, с Красной площади, они двигались прямо на фронт — на защиту Москвы. И многие герои обороны нашей столицы сейчас в Берлине празднуют победу над фашистскими захватчиками.

На площади вспыхнули огни праздничной иллюминации. Над Кремлем скрестились широкие яркие лучи прожекторов. Ровно в десять часов вечера раздались артиллерийские залпы — 30 залпов из тысячи орудий. Москва от имени Родины салютовала в честь великой победы советского народа.

Справедливая освободительная война завершена. И с первого ее

дня до последнего, тысяча четыреста семнадцатого, советские люди совершали бессмертные подвиги во имя победы над фашистами — врагами всего человечества.

Много подвигов совершили мои однополчане в последние дни войны, с честью выполнив свой долг перед Родиной.

Вот что рассказали мне о своем последнем воздушном бое Александр Куманичкин и Сергей Крамаренко. 30 апреля их вызвал командир и сказал, указывая на карту: «Вот здесь пытается выйти из окружения вражеская группировка. Немецкое командование, стараясь помочь гитлеровским воякам выбраться из котла, бросило им на поддержку большую группу «фокке-вульфов» с бомбами. Ваша задача искать и уничтожать противника в этом районе.

Боевая пара немедленно вылетела на задание и за линией фронта встретилась с шестнадцатью «фокке-вульфами». «Лавочкины» стремительно понеслись наперерез врагу. Группа «фокке-вульфов» разбилась надвое. С восьми самолетов на поле и лес беспорядочно посыпались бомбы — летчики поспешили облегчить самолеты. Затем восьмерка встала в круг и начала обороняться. Враг старался оттянуть наших летчиков в сторону от другой восьмерки, которая продолжала с бомбовым грузом лететь к позициям советских войск. Но наша боевая пара оторвалась и ринулась вдогонку. Нагнать врага удалось недалеко от линии фронта.

Куманичкин атаковал одно звено группы, Крамаренко — другое. У моих боевых друзей было преимущество в высоте и скорости. Они свободно атаковали и уходили вверх, а «фоккеры» с подвешенными бомбами не могли развить достаточную скорость. Фашисты стали беcприцельно сбрасывать бомбы и уходить. Надо сказать, что наши летчики не ожидали такой стремительной развязки, Куманичкин догнал один из «фоккеров» и открыл огонь, но в это время его атаковала вражеская пара.

У Крамаренко не осталось боеприпасов. И он ринулся на врага, решив таранить, — надо было выручать товарища. Немцы не выдержали натиска и стали поспешно уходить, бросив самолет, по которому открыл огонь Куманичкин. И в тот же миг Александр сбил «фокке-вульф» над позициями фашистов. Так закончился скоротечный бой двух против шестнадцати над западной окраиной Берлина.

Воины наших наземных войск с волнением следили за тем, как самоотверженно и бесстрашно два охотника защищали их от вражеского налета.

О мастерстве, отваге, героизме воздушных охотников можно писать и рассказывать без конца.

Передо мной итог боевой деятельности полка за время Вели-

кой Отечественной войны, документ боевой славы, хранящийся в архиве.

Вот вкратце этот итог.

Всего за период Великой Отечественной войны 176-й гвардейский истребительный авиационный Проскуровский орденов Красного Знамени, Александра Невского, Кутузова полк совершил 9450 вылетов на боевые задания, из них на свободную воздушную охоту — 4016; провел 750 воздушных боев, в которых сбито 389 самолетов противника, множество штурмовок наземных целей; уничтожил десятки паровозов, вагонов, боевой техники, самолетов на аэродромах; нанес большие потери врагу в живой силе.

Полк участвовал в освобождении Польши, бил врага в его собственном логове, долетев до реки Эльбы. За отличные боевые действия при взятии войсками Красной Армии отдельных городов и столиц приказом Верховного Главнокомандующего получил двадцать семь благодарностей.

Особенно большую работу полк выполнял в 1944—1945 годах: широко проводил свободную воздушную охоту, за полтора года накопив значительный опыт, и одержал много побед со сравнительно небольшими потерями.

Переписывая скупые деловые строчки документа, я словно вижу молодые смелые лица боевых товарищей, мастеров воздушного боя, наши «Лавочкины», которые еще издали узнавал воздушный враг, вижу наше гвардейское знамя, говорящее о героизме всего личного состава.

Шли годы, события сменялись событиями, стремительно развивались отечественная наука и техника.

Мы, бывшие фронтовики, продолжали совершенствовать технику пилотирования, упорно тренироваться на современных самолетах, учить молодых.

...Иногда я захожу поприветствовать свой старый боевой самолет «Ла-7» за номером 27. Теперь он мирный музейный экспонат.

Однажды мне непреодолимо захотелось посидеть в его кабине. По всем правилам с левой стороны берусь за борт, становлюсь на крыло. Как положено, перед посадкой осматриваю кабину. Какая же она маленькая по сравнению с кабиной современного самолета!

Оружия на моем «Лавочкине» уже нет, да и ручка с гашеткой другая. Только рычаги перезарядки пушек напоминают, что это боевой истребитель. Бронестекло стало изменять свой цвет, помутнело, а было таким прозрачным...

И вот я сижу в знакомой кабине. Кажется мне она теперь бедной в оборудовании — ведь в современном сверхзвуковом самолете великое множество приборов, кнопок, рычагов. А в войну, когда мы вели бои с гитлеровцами, наши «Лавочкины», как и «Яковлевы», были самыми современными истребителями и, кстати сказать, превосходили хваленую немецкую авиацию. Мой старый «Лавочкин» по тем временам развивал огромные скорости, поднимался на большие высоты. Обстановка иногда заставляла превышать расчетные данные, и мой испытанный самолет отлично выдерживал все превышения. Например, случалось, в погоне за противником я развивал скорость свыше 700 километров в час, что превышало расчетную на несколько десятков километров.

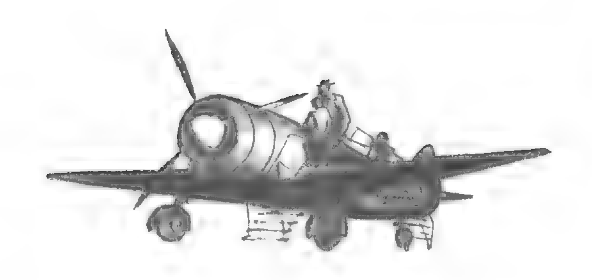
Устарел мой «Лавочкин», но по-прежнему он мне дорог и мил.

Передо мною еще один архивный документ: штатно-должностной список 240-го истребительного авиаполка от марта 1943 года. С душевным волнением смотрю я на сухой перечень фамилий моих бывших однополчан из первого полка. О каждом, начиная от моториста и кончая командиром, можно написать не одну книгу.

Где же они, мои боевые друзья из обоих полков? Многие отдали свою жизнь в боях за свободу и независимость Родины, многие ушли на заслуженный отдых, но и в запасе продолжают работать в разных отраслях народного хозяйства.

Многие мои фронтовые друзья несут службу в рядах Вооруженных Сил, обучая нашу молодую смену. Эстафету мы передаем в надежные руки: наше сердце спокойно.

В строю по-прежнему нахожусь и я. И, как все советские воины, по первому приказу Родины готов встать на ее защиту.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В ПОЛКУ ВОЗДУШНЫХ ОХОТНИКОВ 3
ДРУЖБА 7
БИТЬ ВРАГА ПО-ГВАРДЕЙСКИ 25
НА УСИЛЕНИИ 27
ДО БЕРЛИНА 80 КИЛОМЕТРОВ 33
ПОТОМОК БАРОНА 37
ЗА ОРЛОВА! 39
ПЕРЕД РЕШИТЕЛЬНЫМИ БОЯМИ 41
НА БЕРЛИН! 49
МОЙ ПОСЛЕДНИЙ БОЙ 51
СОЛДАТЫ ОТЧИЗНЫ 54

★

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для среднего
и старшего возраста

Иван Никитович Кожедуб

ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ

Ответственный редактор
И. В. Пахомова.
Художественный редактор
Л. Д. Бирюков.
Технические редакторы
Н. Ю. Крапоткина и О. В. Кудрявцева
Корректор
Э. Л. Лофенфельд
Сдано в набор 30/XII 1974 г. Подписано к печати 2/IV 1975 г. Формат 70Х90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 4,09. Тираж 300 000 экз. А03763. Заказ № 430. Цена 16 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Слава солдатская» вышли и выходят книги:

Алексеев *М.* — Дивизионка
Березко *Г.* — Красная ракета
Кожевников *В.* — Март — апрель
Полевой *Б.* — Знамя полка
Симонов *К.* — Третий адъютант
Тихонов *Н.* — Сибиряк на Неве
Никольский *Н.* — Ночь на Днепре
Родимцев *А.* — Встаньте, живые!
Соболев *Л.* — Батальон четверых
Бакланов *Г.* — Пушки стреляют на рассвете
Богомолов *В.* — Иван
Гроссман *В.* — Жизнь
Воробьев *Е.* — Последний патрон
Кравцова *Н.* — Рассказы о военных летчицах
Федоров *А.* — Случайный партизан, или Пять радостей летчика Володина
Смирнов *С.* — Мы из Бреста
Бринский *А.* — Девчонка из Марьиной рощи
Борзунов *С.* — Не первая атака
Вергасов *И.* — Героические были из жизни крымских партизан
Мухина *Е.* — Дедушка и внучка.

Кожедуб И. Н.

К58 Друзья-однополчане. Из книги «Верность Отчизне». Лит. запись А. Худадовой. Рис. А. Солдатова. М., «Дет. лит.», 1975.

61 с. с ил. (Слава солдатская).

Рассказы о боевых делах советских летчиков в годы Великой Отечественной войны.

9(с)27